

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА "БРИК-ЛЕЙН"

МОНИКА АЛИ

Смелая, великодушная,
написанная сердцем.
СПЕКТАТОР

БРАК ПО ЛЮБВИ

Из тех, что прочтываются
«на одном дыхании».
DAILY MAIL

Эта книга подтверждает статус Моники Али
как британского национального достояния.

ЭНДРЮ О'ХАГАН

Моника Али

Брак по любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69291967

Али М. Брак по любви: Синдбад; Москва; 2023
ISBN 978-5-00131-494-3

Аннотация

Новая книга Моника Али, автора ставшего всемирным бестселлером романа «Брик-лейн», – это «полифоничный портрет современного британского общества на фоне приготовлений к свадьбе, которая должна объединить две семьи из двух весьма далеких друг от друга миров» (Publishers Weekly).

Ясмин и Джо – коллеги, молодые врачи. Невеста выросла в консервативной индийской семье, в то время как мать жениха – активная феминистка, известная своими полиаморными увлечениями. Встреча этих двух миров еще на стадии подготовки к торжественному событию приводит к серии неожиданных последствий и переосмыслению каждым из героев своего прошлого и настоящего.

Содержание

Целомудрие	6
Баба	11
Ма	20
Ариф	27
Мозговой инцидент	30
Примроуз-Хилл	38
Шахада	50
Отходняк	66
Святой Варнава	69
Бритва Оккама	77
Никакого секса	84
Шандор	92
Чай Валла	101
Замзам	113
Черный список	118
Темы, которых нельзя касаться	126
Гарриет	130
Уровень набожности	134
Брак по любви	143
Шандор	149
Гарриет	160
Гусеница	162
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Комментарии

Моника Али

Брак по любви

Monica Ali
Love Marriage

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022

* * *

Для тебя, Шуми

Целомудрие

В семействе Горами никогда не произносилось слово «секс». Если целомудрию пропахшего кардамоном дома угрожала начавшаяся по телевизору сцена поцелуя с языками, ее поспешно обрывали щелчком пульта. Когда у Ясмин начались первые месячные, мать сунула ей пачку прокладок *Kotex Maxi* и вполголоса велела не прикасаться к Корану. Это сбило Ясмин с толку, ведь она и так прикасалась к Корану разве что по настоянию матери. Хотя это было логичным, ведь из уроков биологии она знала, что менструация связана с размножением. А пунктирные схемы в учебнике удивительным образом вызывали в памяти те самые моменты, когда актеры проталкивали языки друг другу в рот, тем самым портя всем удовольствие от просмотра.

Сейчас, в свои двадцать шесть, Ясмин знала о сексе все. Человеческое тело давным-давно раскрыло ей свои тайны. С тех пор у нее было три половых партнера. С третьим из них, коллегой-врачом из больницы Святого Варнавы, она была обручена. Ее родителям, Шаокату и Анисе, Джо нравился, потому что, будучи врачом, он по умолчанию был подходящей партией, а также потому, что Джо нравился всем – такой уж у него был дар. Если даже Аниса и мечтала, чтобы ее дочь вышла за хорошего парня-мусульманина, то держала свое мнение при себе.

Ясмин в ожидании ужина по-турецки сидела на кровати, обложившись медицинскими учебниками. Нужно было готовиться к очередному экзамену, но она не могла сосредоточиться. В доказательство усердия, которое она оказалась не способна проявить, перед ней лежали четыре открытые книги. Вместо зубрежки она листала найденный в поезде журнал. На обложке: «Притворное расставание! Тайное воссоединение! Она в отчаянии!» Все заголовки относились к изображенным на фотографиях знаменитостям, из которых Ясмин узнала только одну. Впрочем, это почти не омрачило ей удовольствия. Но ей больше нравились истории про «обычных людей». Она только что дочитала статью про мать троих детей из Донкастера, недавно выяснившую, что ее семилетняя дочь не является ее биологическим потомком — новорожденную девочку перепутали в роддоме. Чего только не бывает! Хорошо, что ей, Ясмин, не о чем беспокоиться и есть за что благодарить судьбу.

После завтрашнего вечера она посмеется над своими тревогами. Все пройдет вовсе не так ужасно, как она себе навобразала. Родители познакомятся с матерью Джо. Они вместе поужинают в ее доме в Примроуз-Хилл, обсудят свадебные приготовления и вежливо побеседуют. Велика важность!

Представив родителей в атмосфере неброской роскоши георгианского особняка, Ясмин почувствовала легкую тошноту. Она сглотнула.

Никаких конфузов не будет. Надо быть конченной дурой, чтобы волноваться из-за такой ерунды.

Дверь открылась, и в спальню проскользнул Ариф.

– Вот это заросли! – Он покачал головой.

Ясмин сунула журнал под учебник.

– Брысь, – сказала она. – Я занимаюсь.

До нее постепенно доходил смысл его слов.

– Брысь, – повторила она.

Ариф закрыл дверь и прислонился к ней своим бесхребетным, нахальным телом.

– Ты ж знаешь, да? Ну, про фотку? Говорил же, в каждой статье про нее только и пишут, про эту фотку, но мне пришлось глубоко копнуть, чтоб ее найти. Апа¹, хочешь глянуть? – Он вытащил из кармана джинсов телефон.

Ясмин заранее решила, что, какие бы провокации ни устраивал ее младший брат, она не поведется. Но когда Ариф принялся размахивать телефоном, она невольно шарахнулась от него, отодвинувшись подальше на кровати. Меньше всего на свете ей хотелось лицезреть интимные места Гарриет Сэнгстер. Уже не впервые она спросила себя, видел ли Джо скандально известную фотографию своей матери, на которой миссис Сэнгстер лежит на спине с широко раздвинутыми ногами и, подняв голову, дерзко, вызывающе смотрит прямо в объектив.

– Это феминистская фотка, – недрогнувшим голосом ска-

¹ Апа (*урду*) – старшая сестра.

зала она. – Ей лет двадцать уже. Тебе не понять. Лучше смотри свою порнуху. Смотри свою безволосую порнуху.

Снимок был вызовом «культуре пацанок» того времени. Ясмин читала про него, но никогда его не видела. В эпоху, провозглашавшую себя постфеминистской, постидеологической, постироничной, пост-всё-на-свете, Гарриет писала об опасностях «ментальности пофигизма», интеллектуальной бедности мироощущения конца истории, оксюморонной глупости веры в то, что верить хоть во что-либо – некруто. Главным образом она писала о явлении, которое называла «ложной эмансипацией женщин». Ее воплощением стал приобретающий популярность образ вечно пьяной оторвы с проэпилированной и выщипанной сексуальностью, которая, на взгляд Гарриет, потакала мужским фантазиям фотографиями в стиле софт-порно в так называемых мужских журналах. У Гарриет было собственное представление о женском раскрепощении, в том числе и сексуальной свободе. Ее представление противоречило духу времени. Оно привлекло к ней внимание, в некоторых случаях далеко не позитивное. Несмотря на это, а может, и благодаря этому она добилась определенного влияния, а та фотография – дело прошлое.

– А как насчет Ма и Бабы²? – улыбнулся Ариф. – По-твоему, они захотят посмотреть? Хотя, может, они уже видели. Знаешь, Джо сказал, чтобы я завтра тоже пришел на ужин.

² Баба (*урду*) – отец.

– Проваливай сейчас же! – Ясмин взяла с кровати самую тяжелую книгу.

Ариф пожал плечами:

– Все равно промажешь.

– Ах ты, мелкий засранец.

Скорее всего, он увидел эту фотку еще несколько месяцев назад. Арифу не составляло труда найти что бы то ни было в интернете. Он просто дожидался дня накануне знакомства семей для максимального эффекта.

– А Ма ты объяснила, что это, типа, феминистская фотка? Слышь, она купила книжку Гарриет, ту первую, про всех ее любовников – мужиков и женщин, которые все как один были ярыми *феминистами*. Только, по ходу дела, Ма в нее не врубилась. Потому что она читала ее, типа, стоя на кухне. Апа, ты бы видела ее лицо! Короче, стоит она прямо над мусорным ведром, а ногой жмет на педаль, так что крышка открыта. А потом видит меня и – хоп! – роняет книжку. В мусорку. Типа, устыдилась и все такое.

Ариф рассмеялся. Ясмин запустила в него учебником через всю комнату, предсказуемо промахнувшись, зато он наконец вышел, и она, вскочив, принялась мерить шагами спальню, пытаясь привести мысли в порядок.

Баба

К восьми вечера Ясмин проголодалась. Стоя за закрытой дверью в кухню и прислушиваясь к шкварчанию и лязгу, она прикидывала, прийти ли на помощь Ма или незаметно прошмыгнуть наверх.

– Мини, иди сюда, – позвал ее отец из гостиной. Он утверждал, будто Мини – ее прозвище, но никто, кроме него, никогда так ее не называл. – Посиди со мной.

Когда Ясмин села на диван, Баба не поднял взгляд от журнала.

– Сегодня твоя мать припозднилась с едой, потому что не меньше десяти часов готовила шукто, алу дум, машевые пакоры, качори и тому подобное. Назови любую закуску – она ее приготовила. Я пятьдесят раз сказал ей, что мы посещаем ужин, а не открываем киоск уличной еды, но разве она слушает? Вот с чем мне приходилось мириться все эти годы. Эта женщина упряма как ослица. – Он со вздохом перевернул страницу.

– Может, просто возьмем всего понемногу? – предложила Ясмин, но знала, что надежды нет. Вместо того чтобы принести элегантное дегустационное блюдо с экзотическими деликатесами, они притащат несколько хозяйственных сумок с пластиковыми контейнерами и жестяными банками, набитыми горькими листьями с овощами, картофелем в йогур-

те, вегетарианскими жареными закусками и бобовыми лепешками. Но Гарриет, конечно, слишком хорошо воспитана, чтобы показать удивление.

– «Призрачные операции» – прежде я не слышал этот термин. – Баба повернулся к Ямин, чтобы видеть ее реакцию. – Здесь целая статья о нескольких американских врачах, которых за это судят. Хочешь знать мое мнение?

Она ответила, что хочет. Под эркерным окном выросла новая грудка добра. *Добро* разрасталось в доме, словно грибы в темном сыром лесу. Коробки и пакеты с ненужными вещами, которые в конце концов осядут в гараже или гостевой спальне или будут навязаны соседям, слишком слабым, чтобы отказаться от бэушной сушилки для салата, впариваемой им миссис Горами. Немногим обитателям отделанных белой камешковой штукатуркой домов на их улице удалось спастись от щедрот дома двадцать три по Бичвуд-Драйв.

Баба снял очки и погрузился в размышления. В минуты задумчивости он обычно снимал и складывал очки, словно правду можно было увидеть, глядя не вовне, а только внутрь себя. Он сидел с прямой спиной на деревянном стуле за занозистым сосновым обеденным столом, по совместительству служившим ему письменным. Всюду громоздились папки и ящики. У Бабы был кабинет, который они между собой всегда называли залом, с величайшей торжественностью обставленный много лет назад, когда он стал партнером в клинике общей практики, где проработал предыдущие десять

лет. Зал был заставлен стеллажами с научными фолиантами и кольцевыми скоросшивателями с подшивками журналов. Посреди комнаты стоял огромный стол красного дерева с отделкой из кожи и меди и грозный черный мягкий вращающийся стул. Если Баба собирался о чем-то заявить или прочитать очередную нотацию Ариффу по поводу его безалаберности, незрелости и безразличия к собственному будущему, то осуществлял подобные вмешательства в зале. В остальное время он предпочитал читать за столом в гостиной, а если желал посмотреть телевизор, то попросту разворачивал стул, вместо того чтобы с удобством устроиться на диване или в кресле с наклонной спинкой.

– Мини, это вопрос согласия, – изрек он после долгого размышления. – Пациент должен не только подписать форму, его согласие должно быть информированным. Если он не знает, кто будет проводить процедуру, то не является поистине проинформированным.

– Да, Баба. – Ясмин понимала, что отец ждет от нее большего. Разве он может быть учителем, если она не исполняет роль ученицы?

Но ее внимание было рассеяно. Желудок сводило от голода и тревоги. Уже несколько недель она гнала от себя – из последних сил! – страхи насчет знакомства своих родителей с Гарриет. Спасали лишь полная загруженность работой и, до некоторой степени, беззаботные заверения Джо. Гарриет не только станет вести себя примерно, она будет вос-

хищена и очарована. «Она тебя, конечно, обожает, – сказал он, – но слегка разочарована, что в тебе мало индийского. Зато твои родители достаточно аутентичны, чтобы довести ее до оргазма».

Ясмин пыталась выкинуть из головы беспокойство, но оно отиралось поблизости, словно соседская кошка, воющая и мяукающая на подоконнике. Теперь, когда день икс почти настал, до нее дошло, что она подавляла не те тревоги. Что бы ни подумала Гарриет про Шаоката с Анисой, она скроет это благодаря английским манерам. Кроме того, ее одобрение не так уж важно. Представители английского среднего класса не вмешиваются в matrimониальные планы своих детей. Но Гарриет Сэнгстер грозила привнести – уже привнесла – в семейство Горами секс, и ее невозможно было нейтрализовать щелчком пульта. Что будет, если, как случилось в первый визит Ясмин в Примроуз-Хилл, она настоит на том, чтобы продемонстрировать свою коллекцию индийской эротики? Или примется рассуждать на одну из своих излюбленных тем – например, про культурное значение лобковой растительности?

Представив, как Ма бросает книгу Гарриет в мусорное ведро, Ясмин невольно сжала кулаки. Она воображала завтрашнее долгое возвращение домой в гробовом молчании, тихонько всхлипывающую Ма на пассажирском сиденье, Бабу, уставившегося на дорогу. Воображала, как он позовет ее в зал, и она предстанет перед ним, сидящим на своем черном

мягком стуле и облизывающим губы, как всегда, прежде чем сказать что-то важное.

– Вот интересный случай, – сказал Баба. – Послушай, и посмотрим, сможем ли мы разобраться вместе. Пятидесяти-девятилетний мужчина, поступивший с повышенной температурой, помутнением сознания, тромбоцитопенией, сыпью и почечной недостаточностью.

Ясмин подалась вперед на диване, изображая внимательность, но ее мысли были далеко. Все это чепуха. Гарриет ни за что так себя не поведет. Она гордится своей восприимчивостью к культурным особенностям. В этом можно не сомневаться. А Баба ни за что не запретит ей выходить за кого-либо замуж, что бы он ни думал о потенциальной свекрови. Ну а что до Ма, то она будет довольна, если доверить ей свадебные хлопоты. Ма гордится, что ее дочь выходит за сына знаменитой писательницы, которая написала не только несколько книг, но еще и оперу, и пьесы, исполнявшиеся по радио. Ма так прямо и сказала Ясмин, соседям и родне на трех континентах. А эти надуманные беспокойства – только из-за насмешек Ариффа.

– За три дня до госпитализации пациент был здоров, – вслух зачитал Баба. Он обожал разборы клинических случаев, публикуемые «Медицинским журналом Новой Англии», они были его любимым видом совместного досуга с дочерью. – Затем начались рвота, диафорез и слабость... Ко времени осмотра сотрудниками службы скорой помощи

он не мог говорить и стоять, но реагировал на болевые раздражители... Иди сюда... – Он прервался и жестом велел ей подойти и почитать из-за его плеча. – Здесь гораздо больше информации.

Ясмин встала возле отца и попыталась сконцентрироваться. *Кровяное давление составляло 132/82 мм рт. ст., пульс – 110 ударов в минуту, частота дыхания – 26 вдохов в минуту, а сатурация кислородом – 94 %, когда он дышал дополнительным кислородом в объеме 2 литров в минуту через назальную канюлю. Диаметр не реагирующих зрачков составлял 3 мм. Кожа была теплой...*^[1] Сосредоточиться на дальнейших подробностях не получалось. Вместо этого Ясмин то и дело поглядывала на Бабу, видя его таким, каким на следующий день увидит его Гарриет, – врачом-индийцем в мешковатом коричневом костюме со слишком широким галстуком. Вот он сидит, такой прямой и чинный. «Полный достоинства», – подумала Ясмин. Она всегда считала отца именно таким. Уже в четырнадцать лет он был самым высоким мужчиной в своей западнобенгальской деревне. И хотя Баба любил повторять, что по статистике, начиная с сорокалетнего возраста, люди каждые десять лет становятся ниже на полдюйма, сам он в свои шестьдесят оставался таким же высоким, как в юности.

– Ариффу не стоит завтра идти с нами, – внезапно сказала она. – Джо позвал его из вежливости, но Гарриет ждет только нас троих.

Баба взглянул на нее, подняв густую седую бровь:

– Беспокоишься, что не хватит еды? Твоя мать собирается взять запас пищи на два-три месяца.

– Нет, – сказала Ясмин. – Просто... А ты не мог бы ее оставить? И если Ариф пойдет, он будет... Не знаю, от него чего угодно можно ожидать!

– Мини, не волнуйся так. Ариф останется дома. Но твоя мать возьмет свою готовку, потому что такой у нее обычай, и останавливать ее было бы жестоко. – Он перевел внимание на анализ клинического случая, и Ясмин стало стыдно своего волнения.

Баба не одобрял какого бы то ни было волнения. Оно было прощательно лишь маленьким детям и психически неуравновешенным, в прочих же случаях заслуживало порицания. Он жил упорядоченной жизнью: работал, штудировал свои журналы, ел за одним столом со своей семьей, изредка выпивал капельку виски из рубиново-красного хрустального стакана-тумблера, который вместе с бутылкой хранился в верхнем ящике письменного стола из красного дерева. Он смотрел по телевизору новости, документальные фильмы про страны, охваченные войнами, а по воскресеньям – дневной повтор «Жителей Ист-Энда» вместе с Анисой, которая была преданной зрительницей многих мыльных опер. Время от времени он выносил суждения, которые, вне зависимости от того, касались ли они семейных разборок или положения в мире, преимущественно сводились к тому, что истинное

счастье – это тихая и размеренная жизнь.

– Менингококцемия? – неуверенно предположила Ясмин, дочитав. – Баба, как думаешь?

Баба снял очки.

– Я с нетерпением ожидаю знакомства с миссис Сэнгстер, – сказал он. – Это очень радостное событие. Моя единственная дочь выходит замуж. Семьи впервые собираются вместе. Мини, ничто не испортит этот вечер. Надеюсь, что ты разделяешь мои чувства.

Глаза Ясмин защипало от слез. Она моргнула и закусила губу. Через несколько секунд ей удалось выдать:

– Спасибо, Баба.

Он начал вслух анализировать анамнез и признал предположение Ясмин довольно обоснованным, учитывая ливедо на животе, однако в итоге – по причинам, которые он подробно разъяснил, – посчитал наиболее вероятным диагнозом тромбоцитопенический акроангиотромбоз.

Ясмин кивала в такт его словам, но почти не слушала. Ей стало по-детски спокойно, как будто отец заглянул под кровать и заверил ее, что там не затаились чудовища. Отец с нетерпением ожидает знакомства с миссис Сэнгстер. Еще бы! Ведь Гарриет – почтенная, уважаемая дама. Она не какая-нибудь порнозвезда, как бы Ариф ни старался убедить Ясмин в обратном. Она пишет книги про теорию феминизма и литературу, читает лекции в двух университетах и входит в правление по меньшей мере трех благотворительных

фондов. Стеснение в груди Ясмин исчезло. Когда Ма наконец позвала их есть, она вошла в кухню с облегчением (и, возможно, легким головокружением от голода).

Ма

Ясмин не помнила, чтобы в кухне когда-нибудь был порядок. Но и видеть кухню в подобном состоянии ей тоже не доводилось. Ма учинила разгром такого масштаба, что Баба неуверенно попятился на пороге. Впрочем, к его чести, он овладел собой, продолжил путь и без единого слова занял свое место за столом. Кухня была вотчиной Ма, и она распорядилась ею по своему усмотрению.

– Слишком жарко, – сказала Ма. Ее высокие круглые скулы блестели от пота. – Сегодня только рис с овощами. – Она выключила радио, которое всегда составляло ей компанию.

– Отлично, – сказал Баба, одобрявший простую пищу.

– Ух ты, Ма, – сказала Ясмин, обводя рукой дымящиеся сковороды с карри, противни с жареными во фритюре закусками и окно со стекающими каплями конденсата. – Не обязательно было столько всего делать.

– Да, – ответила Ма, – завтра времени не будет. Мне надо отвезти мистера Хартли в Вулидж.

– То есть... – Ясмин осеклась. – То есть это потрясающе. Спасибо, Ма.

Ма повела головой, что в данном случае означало «да брось!», а также «гляди, сколько предстоит уборки». Она могла доносить целые фразы движениями головы и глаз. Положив еды Бабе и Ясмин, она наполнила третью тарелку для

Арифа, хотя тот еще не появился. Сама она, по ее словам, была не голодна, потому что весь день пробовала свою готовку и кусочничала.

– Почему этот мальчишка не может спуститься без твоего приглашения? – спросил Баба. – А, вот и он.

Ариф взял свою тарелку.

– Ага, я поем у себя в комнате. У меня куча работы.

– Сядь за стол, – велел Баба. – Расскажешь мне об этой своей работе за едой.

– Говорил же, – буркнул Ариф. – Я разрабатываю приложение.

– Тебя научили этому на факультете социологии? – По мнению Шаоката, социологическое образование было совершенно бесполезно. За два года, прошедшие с тех пор, как его сын окончил университет, Баба скорее укрепился, чем разуверился в этом убеждении.

– Забей, – сказал Ариф, двинувшись к двери.

– Оставь тарелку на столе. Тебе некогда есть.

Ариф замялся в нерешительности. Ясмин знала, что он взвешивает последствия. Он может проигнорировать тихие распоряжения отца, и больше об этом не зайдет и речи. Но в первый день следующего месяца окажется, что сумма, выделяемая ему на карманные расходы, ополовинилась или и вовсе обратилась в ноль. Гордость или карман? Что он спасет сегодня?

– *Nikuchi korechhe*, – пробормотал Ариф себе под нос.

К черту всё. Он поставил тарелку и вышел из комнаты.

– Не относи ему ее потом, – сказал Шаокат жене. – Своими поблажками ты его только портишь.

Аниса склонила голову в знак согласия и с тяжелым вздохом села.

– Зачем ты везешь мистера Хартли в Вулидж? – спросила Ясмин.

Мистер Хартли, их пожилой сосед, был, по воспоминаниям Ясмин, древним стариком еще двадцать лет назад, когда Горами поселились на Бичвуд-Драйв. До этого они кочевали по съемным квартирам и домам, имевших кое-что общее. Ночами напролет мимо грохотали машины, а стоило шагнуть за порог, вас окружали толпы людей и душили бензиновые пары. Баба всегда говорил, что жить выгоднее на больших улицах, поэтому здешняя тишь удивила Ясмин. «Знаешь, как называется это место?» – спросил Шаокат у дочери, пока грузчики таскали ящики и мебель. «Да, Баба, Таттон-Хилл». Баба покачал головой и обвел широким жестом сонные дома с полузакрытыми от воскресного утреннего солнца жалюзи, блестящие зеленые изгороди, безликие гаражи, полосы газона и обрамляющие улицу широкоплечие деревья. «Оно называется нашим кусочком рая на земле», – торжественно провозгласил он.

– «Везешь»? – повторил Шаокат. – Если бы твоя мать научилась водить, то могла бы его отвезти. Она поедет с ним на автобусе, хотя он знает дорогу лучше ее.

– Скорее всего, я его порчу, – сказала Ма. – Я везу его к человеку, который втыкает в него булавки, чтобы вылечить артрит.

– Акупунктура! – фыркнул Баба.

– Ма, ему следовало бы упомянуть тебя в своем завещании. Ты делаешь для него больше, чем его собственные дети.

Дочь и внуки мистера Хартли жили где-то на западе Лондона, а сын – в Мордене, но навещали его всего пару раз в год. Ясмин это возмущало. Ей с рождения внушали, что нет ничего важнее семьи, а то, что Горами почти не общались с родней, объяснялось вынужденными обстоятельствами.

– В завещании? – потрясенно переспросила Ма. – Разве я шакал, чтобы есть его плоть и кости? А мистер Акерман? Я должна пожирать его тушу тоже?

Мистер Акерман из дома семьдесят два был еще одним получателем социальных услуг Ма. Мистер Кумбс, проживавший в коттедже на углу, был особенно неравнодушен к бирьяни с ягненком, который готовила Аниса.

– Нет, ты ангел, – ответил Баба. – Если он завещает тебе дом, ты сможешь открыть пансионат для всех одиноких белых стариков.

– Пфу! Чепуха, – отозвалась Ма.

* * *

– Я не могу выбрать. – Ма призвала Ясмин к себе в спаль-

ню и теперь стояла над двумя нарядами, разложенными на кровати. – Первое впечатление *так* важно.

Ясмин оглядела шелковое платье с ошеломляюще пестрым принтом – бирюзовыми, фиолетовыми и лаймово-зелеными птичками и цветочками. Возможно, при помощи команды стилистов оно бы сносно смотрелось на какой-нибудь супермодели. На низенькой, уютной Ма оно стало бы эпической катастрофой.

– Пощупай. – Ма погладила шелк и развернула подол. – Такой прекрасный материал, и всего десять фунтов я заплатила в благотворительном магазине Британского фонда по борьбе с сердечными заболеваниями, торгующим подержанными вещами.

– Попугайчики очень... эффектные, – сказала Ясмин, и ее сердце упало при мысли, что придется представить неизменно элегантной Гарриет эксцентрично одетую Анису.

– Но этот костюм может быть лучше для первого впечатления. – Ма перешла ко второму варианту – коричневому юбочному костюму, похоже, сшитому из обивочной ткани, и белой, с виду легко воспламеняющейся, блузке.

Если ее родители придут в белых рубашках и парных коричневых костюмах, сможет ли Гарриет сохранить невозмутимость? Почему Ма за столько лет не научилась одеваться как нормальный человек? Это не так уж сложно: нужно всего лишь смотреть по сторонам и подражать окружающим.

– Не знаю, – сказала Ясмин. – Я вот думаю... Может, на-

денешь одно из своих сари? Ты всегда потрясающе выглядишь в сари.

– О нет, – сказала Ма. – Миссис Сэнгстер подумает: «Эта Ясмин-Ма несовременная. Почему она не адаптируется и не ассимилируется?» Вот почему я говорю, что встречаются по одежке.

Достаточно аутентичны, чтобы довести ее до оргазма. Лучшим выбором, несомненно, было бы сари. Но что можно сказать Ма? Оденься завтра аутентично? Не надевай эти стремные наряды? Даже если она это скажет, толку не будет. Ма спросила ее мнение, но Ма имела обыкновение мило игнорировать мнения, которые, на ее взгляд, были ошибочными. Баба любил повторять, что она самая деликатная упрямица на всем белом свете.

– Тогда платье, – сказала Ясмин.

– Умница! – воскликнула Ма, словно Ясмин успешно выдержала испытание. – Правильно. Кстати, твой отец беспокоится, что завтра я скажу что-то не то, поэтому я подготовилась. Мы обсудим свадьбу, а также погоду. Эти две темы – точно. Вдобавок я прочитала статью про гендерный разрыв в оплате труда, а также одну – про девушек в науке. Подходящие темы, если ты с радостью согласишься? – Она встревоженно посмотрела на дочь.

Ма готовилась и наводила справки. Прочла первую книгу Гарриет – по крайней мере частично, пока ее не застучал Ариф. Продумала, что говорить, что надеть. Ясмин захоте-

лось извиниться перед ней, но за что именно и как?

– Очень подходящие, – ответила Ясмин. В семействе Горами это считалось высочайшей похвалой.

Ариф

Умывшись и почистив зубы, Ясмин решила проведать брата. Вот бы он наконец перестал усложнять себе жизнь!.. Дверь Арифа была приоткрыта, в комнате по-прежнему горел свет, но, когда Ясмин постучала и вошла, внутри никого не оказалось. Судя по грязной тарелке на столе, Ма, вопреки запрету Шаоката, принесла Ариффу ужин. На кровати лежали его гантели. Подъем на бицепс, который он прилежно выполнял каждый день с шестнадцати лет, был, похоже, единственным, к чему он относился серьезно. Толку от упражнений не было никакого – его руки оставались до ужаса худыми. У окна стояла его электрогитара. Одна из струн порвалась, но Ариф так и не почесался ее поменять. Иногда он брал гитару с собой и заявлял, что идет на «репетицию группы», на что Баба поднимал кустистые брови и спрашивал, обходится ли их барабанщик одной палочкой.

Если Ариф уходил так поздно, то не возвращался до утра. Скорее всего, он с какой-нибудь девицей. При родителях он про этих девиц не упоминал, но иногда говорил Ясмин что-нибудь про «перепихон».

Однажды Ясмин видела его в «Трех бубенцах» (местной пивнушке) с молодой женщиной, чьи покрытые синими венами груди колыхались от смеха, когда он нагибался к ней и шептал что-то ей на ухо. Когда Ясмин отошла от друзей,

чтобы пойти поздороваться, Ариф их друг другу не представил. Дважды она видела его с другой девушкой, блондинкой с ломкими от обесцвечивания волосами и открытой улыбкой. В мини-маркете *Costcutter* эта девушка представилась «Люси, как ты, наверно, догадалась», хотя Ямин при всем желании не могла бы угадать ее имя, поскольку никогда о ней не слышала. Ариф смотрел волком и едва ли сказал пару слов, но девушка этого, похоже, не заметила. Во второй раз, когда Ямин с ними столкнулась, Люси-как-ты-догадалась тепло поздравила ее с помолвкой, а Ариф пошел прочь, бубня что-то о том, что они опаздывают. Хотя обычно, опоздания его не смущали.

Когда Ямин оставалась у Джо, что случалось частенько, дома об этом никогда не упоминалось. От нее не ожидалось ни признания в таких ночевках, ни отпирательств. Если о ее отлучках и заговаривали, то исключительно в связи с ночными дежурствами. Ариф иногда с похабной ухмылкой ссылался на собственные «ночные дежурства», но только при Ямине, подальше от ушей Шаоката и Анисы. В семье действовала политика умолчания, которую Ямин воспринимала как деликатность со стороны родителей, а Ариф презирал, при этом соблюдая максимальную конспирацию.

Ямин взяла грязную тарелку, чтобы отнести ее на кухню, но через секунду поставила на место: Ариф терпеть не мог, когда кто-то, даже Ма, заходил к нему в комнату в его отсутствие.

Бедняга Ариф.

Через полгода Ясмин выйдет замуж и съедет, а Ариф не сдвинется с места, так и будет здесь, в плену своего подросткового бунтарства и зависимости, брэнчать на гитаре с лопнувшей струной.

Мозговой инцидент

Ясмин молила Господа об огромных пробках, дорожных работах, ограничении движения. По настоянию Бабы они выехали в пять тридцать: час пик, мало ли, лучше не рисковать. Он сверился с атласом автодорог, сопоставил собственноручно намеченный маршрут с указаниями гугл-карт, а когда они сели в машину, вбил адрес Гарриет в навигатор.

Не было ни малейшего шанса заблудиться. А приглашение на ужин было на полвосьмого. Такими темпами – с ветерком на север через Темзу, в то время как все движение из города ползет на юг через Воксхолльский мост, – они приедут на час раньше.

Ясмин сидела на заднем сиденье, зажатая между сумками и контейнерами с едой.

– Как называть миссис Сэнгстер? – спросила Ма, изогнувшись назад. Она дополнила платье в птичках и цветочках оранжевой шерстяной шалью. Хотя ее волосы были умаслены и уложены в аккуратный пучок, шаль постоянно за них цеплялась. Из прически выбивались черные с проседью завитки.

– Гарриет, – ответила Ясмин. – Джо называет ее Гарри. И все ее друзья тоже.

– Гарри? – переспросила Ма. – Нет. – Она шевельнула головой, давая понять, что ее не одурачишь.

«Приходите, во сколько пожелаете, – сказала Гарриет, – это всего лишь непринужденный семейный ужин. В полвосьмого, но, если серьезно, не переживайте, увидимся, когда увидимся». Джо жил с матерью, потому что ему надоело снимать, а Гарриет нравилось, что он рядом. Когда они только познакомились, Ясмин подумала, что у них много общего: она тоже живет с родителями. Потом он привел ее к себе, и она перестала так думать. Зато через несколько месяцев, когда она, после настойчивых уговоров с его стороны, наконец привела его в Таттон-Хилл, чтобы познакомить с Бабой и Ма, совместное проживание с матерью сработало в его пользу. По их мнению, это красноречивее всяких слов свидетельствовало о достоинствах кавалера их дочери – насколько они знали, первого – и их потенциального зятя.

Когда отец резко затормозил позади автобуса, Ясмин удержала от падения башню из пластиковых контейнеров.

– Вот видите, насколько опасно, – заметил он, – а люди не осознают. По статистике в Лондоне каждые три недели один человек погибает под колесами автобуса. И это не учитывая пассажиров самого автобуса.

– Альхамдулиллах³, никогда не видела, чтобы кто-то умер в автобусе, – сказала Ма, постоянная пассажирка автобусов, следующих по маршрутам в Бромли, Норвуд и Тутинг, где находились ее излюбленные места для покупок. – Мистер

³ Хвала Аллаху (*араб.*) – ритуальное молитвенное восклицание, используемое для восхваления Аллаха.

Хартли подавился в триста шестьдесят седьмом, но закашлялся, и леденец вылетел из его горла в детскую коляску. Мать так разозлилась... – Она принялась объяснять всю эту печальную историю.

«Пожалуйста, – безмолвно молилась Ясмин, – пожалуйста, не дай ей слишком много говорить сегодня вечером». Она не помнила, когда последний раз доставала свой молитвенный коврик, но, когда молилась мысленно, знала, была почти уверена, что Он слышит.

– Поскальзывания, спотыкания и падения, – сказал Баба. – Цифры не включают механическую асфиксию и сердечные приступы. Такое может случиться где угодно, нахождение в автобусе несущественно.

Английская семья прибыла бы без четверти восемь. Индийская – в любое время после девяти. Только Горамы могут заявиться на целый тревожный час раньше положенного времени.

«Помнишь тот ужин с доктором Шоу и его женой?» – спросил у нее Ариф на лестнице, и Ясмин захотелось влечь ему пощечину, чтобы стереть небрежную ухмылочку с его лица. «Уж они-то наверняка не забыли», – добавил он.

Доктор Шоу был старшим партнером в клинике, и одиннадцать лет назад, когда Шаокат наконец тоже стал партнером, был объявлен праздничный ужин. Семействам Горамы и Шоу предстояло вместе поужинать в *La Grenouille* – лучшем ресторане во всем Таттон-Хилле.

При виде доктора Шоу Ясмин удивилась. Он оказался моложе Бабы, тогда как она предполагала, что он старше. И четыре верхние пуговицы его нежно-розовой рубашки были расстегнуты. Он был не слишком похож на врача. Его жена, одетая в черную блузку с короткими рукавами и жемчужное ожерелье, была похожа на жену врача, только у нее не хватало одной руки. Когда она подняла правую руку, чтобы им помахать, из другого рукава на секунду показалась культя левой. Арифф зашептал что-то на ухо Ясмин, и она наступила ему на ногу, чтобы он заткнулся.

Доктор Шоу, в свою очередь, удивился при виде Ясмин и Ариффа. Он и его жена сидели за столиком на четверых. Чете Шоу не пришло в голову, что на ужин, устроенный в честь отца, могут явиться дети, а чете Горами – что может быть иначе.

Меню в *La Grenouille* было написано слитным курсивом, из-за чего разобрать буквы было почти невозможно. Когда, после жуткой суматохи, извинений, объяснений, перестановки стульев и распределения мест, их наконец усадили, Ясмин, к ее облегчению, вручили тяжелое меню в кожаном переплете, за которым можно было спрятаться. Она уставилась на затейливую вязь, но не воспринимала ни слова. Ее отвлекал сидящий рядом Арифф, который снова пытался что-то прошептать.

«Лягушка в меню? – спросила Ма. – Ресторан называется “Лягушка”, не так ли? Я знаю, что французские люди едят,

но я бы не смогла. Я буду рада любому другому блюду».

Ясмин сжалась от неловкости.

Слова Ма были явно заранее отрепетированы. Вдобавок Ясмин знала, что они не соответствуют истине: Ма питалась исключительно карри собственного приготовления и относилась к любой покупной еде, даже к сэндвичам, с подозрением.

Примерно с минуту, показавшуюся Ясмин часами, она будто разучилась читать. Отдельные буквы проявлялись отчетливее, но плыли, завихрялись и ничего не значили. Ей подумалось, что она, возможно, перенесла, как выражался ее отец, «мозговой инцидент», вызванный острым стыдом.

«Ну, – произнес доктор Шоу, – как у вас с французским? Вам перевести?»

– Потрачу пенни за твои мысли, – сказала Аниса и, развернувшись, похлопала дочь по колену.

Ясмин сняла крышку с одного из контейнеров и откусила кусочек пакоры из цветной капусты. Даже остывшая, она была вкусной, щедро сдобренной приправами и жирной, но при этом отличалась той волшебной легкостью, которой только Ма могла добиться с помощью фритюрницы.

– Пенни за них, – сказала она. – По-английски «потратить пенни» значит «сходить в туалет».

– Нет, – сказала Ма, – я потрачу *десять* пенни. Что у тебя в уме?

Ясмин порылась в сумке и достала еще один контейнер.

Ма не любила, когда поправляют ее английский. Если она и принимала что-то к сведению, то без благодарности. Чаще всего она утверждала свои права, держась за собственную версию слова или выражения. Баба говорил на правильном английском. Слишком правильном. Это выдавало в нем иностранца. Когда он приехал, ему был тридцать один год, поэтому он, конечно, никогда не сможет сойти за настоящего англичанина. Ясмин напомнила себе, что, когда Ма переехала в Великобританию, ей было двадцать шесть – столько же, сколько сейчас самой Ясмин. Если бы Ясмин со своим школьным французским переехала во Францию, то даже через несколько десятков лет отдельные выражения выдавали бы в ней иностранку. А Ма никогда не имела привилегии работать, никогда не заводила дружбу, которая бы зашла дальше добрососедской беседы. Дома ее английский казался Ясмин вполне нормальным, но иногда, как сейчас, она слышала речь матери как бы ушами посторонних, и, каким бы несправедливым это ни было, невольно ежилась от стыда.

– Что у тебя в уме? – повторила Ма.

– Ничего, – ответила Ясмин, хотя в ее мыслях бушевал ураган. Ариф ведет себя нелепо, ему пора повзрослеть. Почему эта семья разъезжает на такой уродской машине? ни один нормальный человек не захочет, чтобы его видели в «фиате мультипла» – самом безобразном автомобиле в истории, этом пучеглазом, большеголовом Человеке-слоне от автомобилестроения. На что Баба тратит деньги? Наверняка

ведь может позволить себе машину получше. Предстанут ли они на пороге Гарриет, нагруженные этими целлофановыми пакетами, или оставят их в машине и попросят Джо их донести? Не думай про тот ужин с Шоу. Именно этого и добивается Ариф. Она уже несколько лет не вспоминала о случившемся.

– Смотрите, – сказала Ма, – тут все арабы. Наверное, хорошо жить всем вместе.

Они проезжали по Эджвер-роуд, и движение наконец замедлилось до респектабельной лондонской черепашьей скорости. Взревел автомобильный гудок, за ним другой, третий, – дорожные полосы захлестнула заразная какофония. Баба со вздохом взглянул на Ясмин в зеркало заднего вида, и та сразу поняла, что он ищет подтверждение трем своим постулатам: что, несмотря на всю неуместность взрыва гудков, перенести его следует стоически наряду с прочими неудобствами, что «совместное проживание» – типичная ошибка иностранцев и что лично он на эту удочку не попался. Пусть его жена и не понимает этого, но Шаокат принял наилучшее решение для своей семьи. Ясмин отвела взгляд.

Ей захотелось рассказать Джо про ужин с Шоу. Родители никогда о нем не заговаривали, а Ясмин ни словом не обмолвилась о нем друзьям. Проблема ее семьи в том, что они никогда ничего не обсуждают. Они не так откровенны друг с другом, как Гарриет и Джо.

Машина замедлила ход, и Ясмин внезапно заметила, что

они уже на улице Гарриет, а отец высматривает нужный дом. Без пяти семь. Не так плохо, как она боялась.

– Миссис Сэнгстер и Джо – единственные двое, кто здесь живет? Очень сложно без слуг вести хозяйство в таком доме, – заметила Ма. Как и Гарриет, она выросла в богатой семье, однако, в отличие от Гарриет, не унаследовала семейное состояние. – Но тут только Джо и миссис Сэнгстер, нет?

– Нет, – ответила Ясмин. – То есть да.

После свадьбы останется только Гарриет. Джо и Ясмин уже начали подыскивать квартиру и переедут туда сразу после свадьбы, даже если потребуются строительные работы.

Баба припарковал «мультиплу» рядом с классическим «ягуаром» Гарриет и блестящим «ренджровером».

– Очень хорошо, – произнес он и добавил: – Мы здесь, – как если бы Ясмин в этом сомневалась. – Что ж, начнем разгружаться?

Ясмин принялась собирать сумки.

– Погодите-ка минуту: мне спросить насчет выкупа до ужина или после? – Баба поднял брови, давая понять, что шутит.

– Сколько ты готов отдать, чтобы сбыть меня с рук? – спросила Ясмин.

– О нет, Мини, это они должны заплатить выкуп за мою дочь. Сколько? – Он сдвинул очки в толстой черной оправе на лоб, производя расчеты. – Нет, ты им не по карману. Моя дочь для меня бесценна.

Примроуз-Хилл

– Я презираю его, – спокойно, со вкусом сказала Гарриет. – Чувство вины – самая бесполезная из всех эмоций, самая жалкая и эгоистичная. Будь то из-за работы, физической активности, окружающей среды, семьи, еды, алкоголя... Но хуже всего – либеральное чувство вины, этот сияющий знак праведности, который с гордостью носят на груди нравственные инвалиды. *Это* им не больно-то понравилось! Я подумала: «Да, тут есть о чем написать статью, и написать ее должна я!»

– Поразительно, что кто-то приходит на твои салоны, – сказал Джо. – По-твоему, они бы почувствовали себя виноватыми, оставшись дома? – Он улыбнулся матери, и она наморщила нос.

– Дорогуша, *они приходят за хорошим пинком*. Я издеваюсь над ними, и им это нравится. Ну и за закусками. В общем, Шаокат, как раз над этим я сейчас и работаю – готовлю статью об ужасах либерального чувства вины, и на прошлой неделе опробовала ее на своих друзьях.

Чуть ранее Шаокат осведомился о «текущих проектах и занятиях» Гарриет. Рискованный вопрос. Но Гарриет, как и было обещано, вела себя примерно. (Ни слова, по крайней мере пока, о книге, над которой она работала с другом-фотографом: Гарриет брала у мужчин интервью на тему их отно-

шений со своими пенисами, а ее друг делал *дезротизированные* снимки вышеупомянутых органов.) Они сидели за кухонным столом, ужиная подношениями Ма. Гарриет мгновенно постановила, что они заменят стоявшую у нее в духовке скучную лазанью. («Не волнуйтесь, – успокоил Джо Анису, – она не сама готовила, для этого приходит специальный человек».) Оторопевшая от оказанной ей чести Аниса сидела тихо и оглядывала огромную роскошную кухню: стеклянные двери, выходящие в сад, диваны, ковры, сводчатый потолок, широкие, выложенные подушками подоконники, великолепную плиту, кухонный островок и мраморные столешницы. Разогревая карри и перекладывая их в фарфоровую посуду, она освоилась среди сверкающей бытовой техники в рабочем пространстве и не стесняясь изучила прилегающие помещения – кладовую, чулан, туалет и крытое боковое крыльцо, где возле симпатичной поленницы были ровно выстроены туфли и сапоги.

– Очень интересно, – проговорил Шаокат. Ясмин теребила салфетку. Почему он так медленно разговаривает? Больно слушать. – Скажите, – продолжал он, – в чем состоит ужас, почему это настолько ужасно?

– Не хочу докучать вам, ведь мы празднуем! – воскликнула Гарриет и подлила Шаокату вина, хотя тот не сделал и двух глотков. – Кроме того, нужно обсудить свадебные планы. – Повернувшись к Анисе, она пожалала ее пухлую ладонь и без запинки продолжала: – Либерал, который испытыва-

ет чувство вины по поводу социального, политического или экономического строя – неважно, всемирного или местного, – который осознает, что его удобство и благополучие достигаются ценой крови, пота и слез других людей, – это враг любых мировых перемен. Знаете почему?

– Через минуту узнаем, – ответил Джо. Ясмин обожала его манеру поддразнивать Гарриет. И даже завидовала их отношениям, зная, что Шаокат не потерпел бы ничего подобного, а Ма невосприимчива к любым формам иронии.

– Цыц, бунтующее дитя, – сказала Гарриет, вставая. Она, по обыкновению, была облачена во что-то черное и безупречное. Когда она приостановилась, чтобы обхватить Джо за шею и чмокнуть в макушку, из рукавов показались красивые трицепсы. – Либеральное чувство вины – это признание в том, что место под солнцем слишком теплое, чтобы от него отказываться. Оно подразумевает: «Ну, лично я не сделал ничего плохого, но я хороший человек, поэтому чувствую себя виноватым». Это побочный продукт принятия мира таким, как есть. Открою еще бутылочку мальбека, чтобы вино подышало.

– Ясно, – сказал Шаокат, – спасибо, что объяснили данный феномен.

Стоило ему заговорить, как у Ясмин начинало покалывать ладони, потевшие на протяжении всего ужина.

– Нет, это *вам* спасибо, – сказал сидевший рядом с Шаокатом Джо и отсалютовал ему бокалом. – Спасибо, что при-

шли. Спасибо, что принесли ужин и спасли меня от очередной лазаньи. А главное... – Он откинул с глаз челку и почти застенчиво посмотрел на Ясмин через широкий стол светлого дуба. – Спасибо, что принимаете меня в свою семью.

Шаокат позволил себе глубокий глоток вина и провел языком по губам. Ясмин испугалась, что засим воспоследует пространная речь.

– Нет, всё гораздо хуже, – вовремя сказала Гарриет, спикировав с вином. – Это не безобидный побочный продукт. Либеральное чувство вины способствует принятию статус-кво, потому что вина заменяет собой действие. Она становится *предпринятым действием* и тем самым заглушает стремление хоть что-либо изменить. Бесполезная эмоция. Ничемная. Опасная своей инертностью.

Аниса подавала признаки пробуждения из блаженного транса. Тихонько кашлянув, она заговорила:

– Если ты не делаешь плохие вещи, то не чувствуешь себя виноватым. Если ты чувствуешь вину и ты не знаешь, какие плохие поступки сделал, то ты должен тихо подумать. Так иногда поступаю я. Иногда моя совесть говорит мне: «Вот, ты невежливо разговаривала с таким-то» или «Ты обещала проведать такого-то и ты не пошла».

– Абсолютно верно, – сказала Ясмин, надеясь, что на этом она остановится.

– А также, – продолжала Аниса, – я молюсь. Бог смотрит в сердце, и, если ты поступил плохо, и ты искренне молишь-

ся, Он берет вино и... – Она тряхнула ладонью. – Нет ее!

– Замечательно, – сказала Гарриет. – Вам можно лишь позавидовать. Что ж, было очень вкусно, еще раз спасибо, ваш кулинарный талант меня посрамляет. Я наелась досыта. – Она отодвинула тарелку и жадным взглядом посмотрела на Анису: – Вы не могли бы прийти на мой следующий салон? Мы были бы рады послушать о вашей вере.

– Нет!.. – в притворном ужасе воскликнул Джо. – Не давайте ей прибрать вас к рукам. Гарри, оставь ее в покое!

Если Джо только изображал тревогу, то Ясмин чувствовала ее на самом деле. И молчала, боясь ее выдать.

Гарриет снова сжала ладонь Анисы:

– Какое прекрасное платье. Мы с вами поступаем как вздумается, без оглядки на наших мужчин.

– Я всегда советуюсь с моим мужем.

– Советуешься, да, – заметил Шаокат. – Это совсем не то же самое, что слушать и повиноваться.

– К слову, мы еще даже не начали обсуждать свадьбу, – сказала Гарриет. – У меня есть несколько предложений.

– Я уберу со стола, – вызвалась Ясмин. Разумеется, у Гарриет есть предложения! До сих пор ей не приходило в голову волноваться, что Гарриет возьмет свадебные планы на себя, потому что ее занимали другие поводы для беспокойства вроде наряда Ма и количества судочков.

– Я помогу, – вскочил Джо. – Гарри, подожди с предложениями. Нельзя планировать свадьбу без невесты.

– По словам вашей дочери, вы поженились по любви, – сказала Гарриет, не выпуская руку Анисы.

Ма с улыбкой повела головой.

– Состоятельная девушка из Калькутты и бедный, но способный деревенский парень. Подлинная романтика, судя по тому, что я слышала. – Гарриет повернулась к Шаокату: – Девушка, которая лишь слушается и повинуется, возможно, не сделала бы подобный выбор.

Когда они очищали тарелки от остатков пищи и ставили их в посудомоечную машину, Джо наклонился поближе к Ясмин, щекоча дыханием ее ухо.

– Давай сбежим, – предложил он. – Перерыв между таймами.

Теплый сентябрьский вечер благоухал ароматами жасмина и розмарина. Джо приобнял ее, и они пересекли патио и лужайку, прошли через увитую зеленью беседку и оказались в розовом саду.

– Всё нормально? – спросил он. – Ты в порядке? Надеюсь, ты оценила мою стратегию сдерживания, когда Гарри чуть не вышла из-под контроля.

– Да, – рассмеялась она. – Всё хорошо. А твоя мама – само обаяние, она к кому угодно найдет подход.

– Да, этого у нее не отнимешь. Не то чтобы к твоим родителям был нужен какой-то особый подход. Давай немного посидим здесь и посмотрим на звезды.

Они, взявшись за руки, сели на скамейку. Прохладный

воздух освежал, словно стакан воды в жаркий день.

– Я тут психанул немного на работе, – сказал Джо. – Страшно было. По-моему, я никогда еще так не пугался. Она истекала кровью, и... понимаю, это глупо... я был потрясен. Знаешь, просто как бы оцепенел. – Он покачал головой. – Как будто ничего подобного раньше не происходило.

– Что случилось?

– Я впал в ступор. Были только я и неопытная акушерка, которая меня вызвала, а муж смотрел на меня как бы в панике и с надеждой, и я просто впал в это состояние... Не знаю, как еще его назвать, – шок.

Ясмин сжала его ладонь:

– Но все обошлось, да?

Джо был на три года старше ее и работал ординатором в отделении акушерства и гинекологии.

– Дело в том... – медленно произнес он. – У меня было два экстренных кесарева, перекрут и разрыв кисты яичника, а я и бровью не повел, а потом... – Он умолк.

«Джо похож на мать», – прошептала Ма, пока в духовке разогревалось бирьяни. Неправда: у Гарриет резкие скулы, изогнутые брови, колючие, голубые, как небо в знойный день, глаза. У Джо глаза тоже голубые, но не такие острые, как у Гарриет.

– Но все обошлось, – повторила Ясмин. Ей нужно было, чтобы он это подтвердил. – И с малышом все хорошо.

– Слава богу.

Она присмотрелась к его лицу. Может, Ма и права – сходство есть. Щеки у него мягче, полнее, но скулы такие же высокие, как у Гарриет. Подбородок другой. Глаза посветлее, но такие же миндалевидные, как у нее. Волосы тоже русые, но потемнее. Нос похожий, но не настолько орлиный.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Да? – Он изобразил удивление. – Ты уверена?

– М-м-м, – промычала Ясмин. – Ну... дай подумать. – Положив голову ему на плечо, она посмотрела на звезды – крошечные следы булавочных уколов в бархатном небе, вытертом городскими огнями.

– Будем считать, что это – да. Слушай, Гарри хочет провести его здесь. Ну, свадебный прием. Что думаешь?

– Ох... Но праздник все равно будет скромный, да? – Они договаривались, что не станут затевать пышное торжество, просто распишутся в регистрационном офисе, потом устроят застолье. А медовый месяц проведут на вилле Гарриет в Тоскане.

– Наверное, она пригласит кое-кого из своих друзей, но вообще да, мы сами будем решать, чего хотим. – Он помолчал. – Плюс будет в том, что, если уж она берется что-то организовать, то делает это так, что комар носа не подточит. А работы выше крыши. У нас обоих.

– Наверное, в этом есть смысл.

– Ладно, тогда дадим ей зеленый свет, – в голосе Джо слышалось облегчение, словно он ожидал, что она будет воз-

ражать.

Ясмин подумала, что сейчас они встанут и вернутся в дом, но Джо, похоже, никуда пока не собирался, а ей было только в радость задержаться в его теплых объятиях, вдыхая исходящий от него приятный чистый запах бельевого шкафа, смешанный с ароматом осени.

Они познакомились на чьей-то прощальной попойке в «Скрещенных ключах» – пабе через дорогу от работы. Джо стоял, держа в одной руке пивную кружку, а в другой – за одну деревянную ножку – табурет. «Не против, если я здесь сяду?» Ясмин подняла глаза, оторвавшись от разговора. Коричневый кожаный бомбер, по-винтажному потертый. Леняная рубашка. Русые волосы, нуждающиеся в стрижке. Ямочка на подбородке. Полные щеки, полная верхняя губа. В другом конце стола есть свободные места. Неужели он хочет сесть с ней? Его вопрос был обращен к ней? Ясмин потупилась. В его новеньких кроссовках – оранжевые шнурки.

Почувствовав, что он вот-вот отойдет, она снова посмотрела ему в лицо, и Джо улыбнулся. Глаза голубые, взгляд уверенный и добрый. «Можете сесть здесь», – сказала она и подвинулась на стуле.

Он рассказал, что днем принял близнецов. Роды преждевременные на шесть недель, но благополучные, и гордый отец настоял на том, чтобы поставить ему выпивку. Весь вечер папаша пил за здоровье новорожденных. Вон тот парень, до сих пор у стойки. Рождение детей свело для него загадки

вселенной в замысловатую и путаную единую теорию всего.

Джо ее рассмешил. Они проговорили до закрытия.

Следующие несколько недель они общались. По телефону, в мессенджере, по электронной почте, что казалось Ясмин трогательно оригинальным, и лично. Или прогуливались по чахлому парку к югу от больницы. Он задавал слишком много вопросов о ее жизни и с таким неослабевающим интересом ловил каждое ее слово, что Ясмин стеснялась своей недостаточной интересности. Тем не менее ей это нравилось. Раньше никто не уделял ей столько внимания, в том числе Кашиф, который был ее парнем на протяжении двух лет.

«Ты ведь понимаешь, что произошло, да? – спросила ее Рания. – Ты попала во френдзону. Если он до сих пор даже не попытался тебя поцеловать, то, боюсь, ты уже в слишком глубокой френдзоне, чтобы он на что-нибудь отважился». Иногда Рания бывала невыносима. У нее никогда не было парня, но ей непременно нужно было выступать специалистом по всем вопросам.

«Тогда я сама это сделаю, – ответила Ясмин. – Я его поцелую, мужчина не всегда должен делать первый шаг».

Разумеется, она не решилась. Как можно? Не станет же она выставять себя такой душой. Если он захочет поцеловать ее, то поцелует.

И он поцеловал. Они остановились у пруда в парке, наблюдая за бакланом, расправлявшим чернильно-черные

крылья. Джо повернулся и поцеловал ее в губы, и его поцелуй был долгим и сладким. По сравнению с тем, как Кашиф вдавливал свои губы в ее и с чавканьем двигал вверх-вниз подбородком, он был нежным, деликатным. Ясмин могла бы назвать его почти целомудренным.

– Когда мне было пятнадцать... – Они шли обратно к дому. За стеклянными дверями гармошкой, выходящими в патио, вспыхнул свет. В любую секунду Гарриет выйдет их искать.

– Когда тебе было пятнадцать, – подсказал Джо.

– Когда мне было пятнадцать... – История словно застряла у нее внутри, но Ясмин твердо решила ее рассказать. Она давила на диафрагму, словно хиатальная грыжа. От обструкции необходимо было избавиться. – Когда папа наконец стал партнером в своей клинике, мы пошли на ужин со старшим партнером и его женой. И... маму стошнило на стол. Боже, это было ужасно. Я чуть не сгорела со стыда. У жены старшего партнера была только одна рука, а другая культей торчала из платья. То есть из блузки.

– Что? Нет, серьезно? – Джо одновременно смеялся и стонал, видя, что ей до сих пор мучительно неловко. – Погоди. Хочешь сказать, ее вырвало из-за культи?..

– О нет! Нет! Из-за бекона. За секунду до этого она выяснила, что розовые кусочки в *soq au vin* – это крошечные кусочки свинины. Она-то восхищалась своей смелостью, потому что ела курицу, приготовленную в вине, хоть папа

и сказал ей, что алкоголь выпаривается. И когда Ма встала – то есть, она скорее вскочила, – всё хлынуло наружу. Брызги отскочили от тарелок, звук был чудовищный, *напор как у фонтана*. Это тебе не аккуратненькая лужица – залило весь зал, в том числе эту бедную женщину. Она сидела, и рвота капала с ее культи.

– Иисусе, – сказал Джо. – Если бы я знал, во что ввязываюсь.

– Потом моя мать попыталась вытереть культию салфеткой, а женщина сопротивлялась, завязалось что-то вроде потасовки, вмешались ее муж и мой папа. Сбежались все официанты, управляющий, несколько посетителей. Я буквально думала, что умру. – К концу истории Ясмин тоже начала смеяться, и, когда Гарриет помахала им из-за стекла, оба хохотали, стоя на лужайке. Джо положил ладонь на плечо Ясмин и сказал:

– Это великолепно, поверить не могу, что ты так долго не рассказывала мне эту историю.

Шахада

Гарриет сидела во главе стола в позе полулотоса, подогнув одну ногу под себя, а другую закинув на стройные бедра.

– У меня предложение. Пусть свадебный прием пройдет здесь, сад практически требует только шатра, в нем достаточно просторно для музыкального ансамбля, пожалуй, даже не одного, и, видит бог, в кухне хватит места для сотрудников кейтеринговой службы и... ну вы поняли. – Неопределенно махнув рукой в сторону застекленной пристройки с модульными диванами, свежезажженными светильниками и стульями в стиле модерн середины двадцатого века, она заговорщицки наклонила прилизанную светловолосую голову поближе к Ма.

Ма задрожала от удовольствия:

– Очень любезно, но дети должны... И мой муж... – Она со значением взглянула сначала на Ясмин, а затем на Шаоката.

– Джо упоминал об этом, – сказала Ясмин, – и мы вам очень благодарны.

– Я отец невесты, – торжественно сказал Шаокат. – Вы должны позволить мне взять на себя расходы.

– Я не потрачу ни пенни, – сказала Гарриет.

– Потрачу пенни, – пробормотала Ма себе под нос.

– Хотя разве в Индии не принято, – продолжала Гарриет, –

чтобы за прием платила семья жениха?

– Но само бракосочетание состоится в регистрационном офисе, – возразил Шаокат. – Это вопрос всего лишь нескольких фунтов. Нет, оплатить празднование должен я.

– Мы собирались устроить скромный праздник, – вмешалась Ясмин. – Мы не хотим больших расходов.

Если свадьбой займется Гарриет, расходы составят невообразимую для Бабы сумму. Но если организацию возьмет на себя Баба, то гостей ждут одноразовые тарелки, пластиковые стулья и бумажные цепочки вместо украшений. Как на дне открытых дверей, который он раньше ежегодно устраивал в клинике.

– Мы не хотим больших хлопот, – сказал Джо.

«Да, Ма права», – подумала Ясмин. Раньше она почему-то не замечала их сходства. Джо – кроткая версия своей матери. Взгляд не такой пронзительный, более открытый и участливый. Гарриет безжалостно наблюдательна, а Джо внимателен. Она проницательна, а он отзывчив. Гарриет сияет свысока. И может ослепить. А Джо озаряет людей своим светом снизу.

– Готовка будет на мне, – сказала Ма. – Я приготовлю всё.

– Разумеется. – Гарриет повернулась к сыну и окинула его долгим оценивающим взглядом. – Джозеф, дорогуша, ты ведь осознаешь, что скромная индийская свадьба подразумевает две-три сотни гостей. Как минимум.

– Но мы не... – начала возражать Ясмин.

Гарриет ее перебила:

– Сестра, сколько сотен присутствовало на вашей свадьбе?

Знакомясь с Гарриет, Ма в порыве волнения назвала ее не «миссис Сэнгстер», как собиралась, а «сестрой». На протяжении ужина Гарриет неустанно возвращала ей комплимент.

Аниса промокнула салфеткой рот и нос, скрывшись за ней почти по самые глаза. Ее ответ прозвучал невнятно.

– Сколько мы собирались позвать, человек сорок? – сказал Джо, обращаясь к Ясмин. – От силы пятьдесят?

Гарриет положила унизанную кольцами руку на плечо Джо и помассировала ему бицепс:

– Прекрати подавлять свою невесту! От силы пятьдесят! Ты недостойн ее, мерзкая бесчувственная скотина.

– Он очень хороший мальчик, – сказала Ма, выглянув из-за салфетки, – а также достойный. Моя дочь и ваш сын равны.

По спине Ясмин побежали мурашки от смущения. Ма, воспринимавшая всё буквально, заговорила отважным тоном. Можно подумать, Джо нуждается в ее заступничестве.

Гарриет выглядела позабавленной:

– Вы слишком добры. Впрочем, он действительно не так уж плох.

– Наша дочь драгоценна для нас, – сказал Шаокат, выйдя из глубокой задумчивости. Ясмин с ужасом ждала, что

будет дальше. Он не лучше Ма понимал, что оскорбления могут служить выражением любви. Этот уровень английскости был для него непостижим. Шаокат облизнул губы. – Она избрала такого превосходного юношу, такую превосходную семью, и это самое главное.

Гарриет по-прежнему выглядела позабавленной, но, судя по тому, как она поблагодарила Бабу, его слова не только польстили ей, но и тронули ее. Она заговорила о своей любви к Индии. В Дели она в течение месяца работала с женской организацией, агитировавшей за репродуктивные права; в другой приезд собиралась основать экспериментальный театральный проект при участии детей из трущоб, но не удалось привлечь финансирование... В Керале провела неделю в центре аюрведы, где полностью очистилась душой и телом. В каждую свою поездку она ела всеми пятью пальцами правой руки, что определенно способствует обострению ощущений...

Ма слушала и шевелила головой, излучая величайшее удовлетворение каждым словом Гарриет. Баба настолько расслабился, что расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Джо откинулся на спинку стула, заложив ладони за затылок, и закрыл глаза. Когда он потянулся, между задравшейся рубашкой и поясом джинсов показался край бледного шрама от аппендицита.

Пока Гарриет говорила, Ма наклонилась к Ясмин и показала на заключенную в раму картину с изумрудно-зелеными

и горчично-желтыми мазками, висящую на противоположной стене. От Ма пахло семенами тмина и туалетной водой «Майский ландыш» от *Yardley*, купленной с оптовой скидкой в косметическом магазине *Superdrug*.

– Джо нарисовал? – шепотом спросила Ма, загораживая рот ладонью, и Ясмин с трудом удержалась, чтобы не закапать глаза. – Надо было сделать это для вас с Арифом. В начальной школе вы нарисовали столько картинок, а я не сохранила даже одну.

– Это Говард Ходжкин, – прошептала Ясмин в ответ. – Картину написал знаменитый художник. – Она знала это только потому, что ей рассказал Джо. Тем не менее невежество матери ее несколько огорчало.

– Впервые я побывала там с Нилом – это отец Джо. У него было задание от *National Geographic*. Мы были знакомы всего четыре дня, но он решительно настаивал, чтобы я поехала с ним. При желании он умел быть очень убедительным. – Она ослепительно улыбнулась Джо, открывшему глаза при упоминании отца.

– Позвольте выразить мои соболезнования, – сказал Шаокат. – Я не знал, что ваш супруг скончался. Ясмин не упоминала об этом, а лишь о том, что вы вырастили Джо одна.

В голубых глазах Гарриет заплясали огоньки. Она хлопнула в ладоши:

– О, кажется, я переусердствовала с восхвалениями? Нет, он живее всех живых. Джо, хочешь пригласить его на сва-

дьбу? Решай сам. Если хочешь, чтобы присутствовал твой отец, воля твоя.

– Я об этом не думал, – зевая, ответил Джо. – Скорее всего, он все равно не придет.

Ясмин ни разу не видела отца Джо. Она знала только, что он фотограф и живет где-то на границе с Шотландией. Вскоре после рождения Джо они с Гарриет разъехались и он жил в Хампстеде, пока Джо не стал подростком. Иногда Джо гостил у него или проводил с ним день, но на Нила нельзя было положиться, поэтому Гарриет редко доверяла ему сына. Однажды она позвонила в социальную службу, обнаружив пьяного Нила в отключке на диване, а Джо – у подножия лестницы с легким сотрясением и глубоко рассеченной губой. Джо почти никогда не говорил об отце, а если и заговаривал о нем, то в худшем случае равнодушно, а в лучшем – с веселым удивлением. По его словам, все, что ему дал Нил, – это раздвоенный подбородок, хотя на самом деле это была всего лишь ямочка, а не какой-то физический дефект.

– Он живет далеко? – спросила Аниса.

– Теперь – да, – ответила Гарриет. – Отца из него не вышло.

– Мы не будем больше злоупотреблять вашим гостеприимством, – сказал Шаокат. – А вы должны посетить нас в нашем доме.

– Сейчас всего полдевятого, – возразила Гарриет. – Не можете же вы сбежать так сразу. Мы едва приступили к обсуж-

дению свадебных планов.

– Вообще-то, – сказала Ясмин, – завтра у меня утреннее дежурство, так что... – Пожалуй, лучше удалиться, пока чета Горами может выбраться из Примроуз-Хилл относительно невредимой.

Гарриет пропустила ее слова мимо ушей.

– Я хочу узнать ваше мнение кое о чем, – обратилась она к Шаокату. Очевидно, она сообразила, на какие кнопки нажимать. Польщенный Шаокат снял очки, чтобы лучше сосредоточиться. – Законы этой страны не признают мусульманские браки. С какой стати? – Она выдержала паузу. – К слову, то же касается индуистских, сикхских и других видов брака. Каково ваше мнение?

– Интересный вопрос. Необходимо рассмотреть разные аспекты. – Шаокат наморщил лоб. Искусство нормальной беседы было ему неведомо. Ему непременно требовалось выносить суждения свысока.

Ма, казалось, хотела что-то сказать, но только невнятно закудахтала.

Гарриет повернулась к ней.

– Да, – сказала она, словно Аниса произнесла осмысленную фразу. – Это *феминистская проблема*, потому что в этой стране женщины – в частности, мусульманки, – чей брак распался, выясняют, что в действительности не состояли в законном браке и не имеют вообще никаких прав. Почему мы не предоставляем одинаковые права всем сообще-

ствам?

К чему всё это? Ясмин отбила ритм на своей сервировочной подложке, чтобы привлечь внимание Джо. После обмена репликами по поводу его отца он, похоже, отключился.

Джо заметил, но неверно понял намек и перегнулся через стол, чтобы подлить Ясмин вина.

– Согласен, – сказал он. – Почему у вас должны быть другие права, если вы женитесь в церкви?

Гарриет тоже протянула бокал для добавки.

– Люди женятся в церкви, и, хотя они верят в Бога не больше, чем в Санта-Клауса, их брак юридически действителен и их права защищены. Но брак людей, которые *по-настоящему верят*, которые приносят обеты перед Аллахом, ничтожен в глазах общества и согласно букве закона. Им нужно предоставить тот же статус, это было бы справедливо, должно быть равенство.

Гарриет, атеистка, отстаивает права верующих. Она способна аргументировать что угодно, любую позицию. Вопреки нехорошему предчувствию, Ясмин восхищалась живостью ее ума, разносторонним интеллектом, ненасытным любопытством. Ее родителей новые мысли посещают раз в десять лет. И это, скорее всего, преувеличение. Их взгляды не меняются никогда. Баба равнодушен к религии, и сейчас ему самое время сказать об этом вслух. Давай, Баба! Говори!

– Правильно, должно, – согласился Джо, словно эти рассуждения являлись чисто умозрительными. Возможно, так

и было. – Однако, – он улыбнулся Ясмин, – поскольку мы собираемся расписаться в регистрационном офисе, нас все это, к счастью, не касается.

– Но как отнесутся к гражданскому бракосочетанию ваши родственники? – Гарриет заговорщицки понизила голос, обращаясь к Анисе. – Как относитесь к нему *вы*?

– Одна сестра прилетает из Мумбаи, – ответила Ма. – Рашида – преподаватель, она не замужем. Другая сестра, Амина, прилетит из Харрисонберга, что в Виргинии. Амина набожная. Да, очень набожная. Она вышла замуж за стоматолога, и у них трое детей, все уже взрослые, но... – с оттенком гордости, – моя дочь первой заключает брак.

– Насколько сложно было бы получить услуги имама? – спросила Гарриет. – Если бы таковой потребовался?

– Баба, – окликнула Ясмин отца, но тот загляделся на белые кожаные табуреты, стоявшие в ряд под барной стойкой. Он пребывал в раздумьях и ни за что не стал бы говорить, пока не будет готов.

– Несложно, – ответила Аниса.

– Что ж, значит, договорились, – произнесла Гарриет почти нараспев.

– Погодите, – вмешался Джо. – Что я пропустил?

Гарриет снова положила ладонь на его бицепс, и Джо нахмурился, но не сбросил ее руку.

– Если никто не против провести исламскую церемонию... разумеется, гражданская церемония тоже будет. Ша-

окат, каково ваше мнение?

– Мое мнение... – начал Шаокат, и Ясмин заметила, насколько неестественно вплотную к столу он сидит. Его стул был придвинут так близко, что торс оказался почти на дубовой столешнице. – Мое мнение заключается в том, что вам лучше спросить мою жену, поскольку она несет бремя веры за нас обоих.

– Если Джо не возражает... – сказала Аниса с воодушевлением. Ее круглые щеки сияли надеждой.

– Подождите, – сказала Ясмин. – А как же я?

– Он решит, разве нет? – сказала Ма, не глядя на Ясмин.

Гарриет перевела взгляд на сына:

– Не терпится увидеть, сколько из наших знакомых *безупречных либералов* окажутся исламофобами.

Ясмин сползла пониже на стуле, чтобы пнуть Джо по лодыжке под столом. Это оказалось непросто, потому что он сидел не прямо напротив, но ей удалось до него дотянуться. Джо с серьезным лицом покосился на нее, пытаясь прочитать ее мысли.

– В Индии больше исламофобов, чем во всей Европе, – сказал Баба. – Именно поэтому премьер-министром стал Моди. По мнению многих, его величайшим достижением на посту главного министра является Гуджаратский погром, устроенный радикалами индуистами и мусульманами. Моди тогда не защитил мусульман.

– Даже говорить не желаю о Моди! – воскликнула Гарри-

ет. – Да, исламофобия распространена повсеместно, но только не в этом доме! Не так ли, Джозеф?

Джо склонил голову набок, продолжая наблюдать за Ясмин. Она в отчаянии округлила глаза.

– Я не против, – отозвался он.

– Bravo! – сказала Гарриет. – Сестра, вы выберете имама? Он будет из вашей местной мечети?

– Я молюсь дома, – ответила Ма, – но также я посещаю женский меджлис в Кройдоне каждую неделю. Это как бы книжный клуб, но для изучения Корана и хадисов. Я спрошу имама Сиддика. Иншаллах⁴, он будет очень рад.

– Но пусть решает Ясмин, – сказал Джо, наконец смекнув, почему Ясмин качает головой. – Свадьбы без невесты не бывает.

Все посмотрели на Ясмин – и она замялась.

Джо выглядел сбитым с толку. Он виновато пожал плечами. Баба готовил свои ответы на любой ее ответ. Гарриет так и искрилась от решимости, того и гляди воспарит над стулом. Ма смотрела умоляюще.

Надо отказаться. Ясмин решила, что это самое лучшее, хоть и будет слегка неловко. Лучше легкая неловкость сейчас, чем большая позже.

– Когда ты была маленькой девочкой, – сказала Ма, – ты всегда читала молитвы. Ариф был более сложным. Но ты

⁴ Если пожелает Аллах (*араб.*) – ритуальное молитвенное восклицание, означающее смирение мусульманина перед волей Аллаха.

всегда читала молитвы со мной. Каждый день. – Она засопела и вытерла нос.

– Да, Ма, – сказала Ясмин. Если бы она сказала нет, существовала опасность, что Ма зарыдает.

– Каждый день, – повторила Ма.

– Я сказала да, Ма. Да. Хорошо.

– Да?

Ясмин поняла, что Ма все еще может зайти в приступе рыданий.

– Да! – довольно агрессивно повторила она. – Если Джо не возражает.

Но надежды не осталось. Джо не станет ей перечить. Он дал ей возможность положить этому конец, а она ее упустила. Теперь на свадьбу явится имам Сиддик со своими большими желтыми зубами и напомаженными волосами. Придется терпеть его бесконечное карканье на арабском, а потом, исчерпав молитвы, он переключится на английский для проповеди, и станет еще хуже.

Джо послал ей через стол воздушный поцелуй, и Ясмин выдавила улыбку. Ма поцеловала ее в щеку. Довольным выглядел даже Шаокат, хотя ни разу в жизни не сказал доброго слова об имамах. Возможно, он был рад за Анису. Или за Гарриет, чей план был принят. Или просто радовался, что Ясмин показала себя хорошей дочерью и послушной невесткой.

– Джо примет ислам, – обратилась Аниса к Гарриет, слов-

но о дальнейшем можно было договориться без участия молодежи. – Но не волнуйтесь, это просто. Даже в свадебный день он это может. Только ему надо сказать шахаду, и готово. *La ilaha illa Allah, Muhammad rasoolu Allah*⁵.

– Серьезно? Достаточно произнести одну фразу? Ну, Джозеф, считай, что тебе повезло. Только представь, сколько мороки было бы, если бы ты женился на римской католичке! Простая фраза, какая прелесть, что она значит?

– Нет другого бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – его пророк, – перевела Ма.

– Мы с вами, – сказала Гарриет, – станем такими добрыми подругами.

Гарриет увлекла Анису к банкетке у окна, велев остальным *поговорить о врачебных штуках*. Гарриет снова уселась в позу полулотоса на зеленых узорчатых подушках лицом к Анисе, а та подняла ноги и неуклюже положила их сбоку. Волосы Гарриет были гладкими как шелк, конечности согнуты под изящным углом. Волосы Анисы, как всегда непокорные, выбивались из пучка мелкими завитушками. Вся она была рыхлая, ее тело было дряблым и неопрятным, словно распутившийся и наскоро собранный моток пряжи. Женщины переговаривались взволнованно, на пониженных тонах, и до стола доносились лишь отдельные слова – «семья»,

⁵ Свидетельствую, что нет иного божества, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха (*араб.*).

«рейсы», «приглашения», а также, по непостижимой причине, «спаржа».

Ясмин сгорала от сожаления. Можно было хотя бы сказать, что ей нужно время подумать. Все произошло так быстро. Надо сказать Бабе, что она передумала, и он с ней согласится. Он не захочет всех этих хлопот. У него нет родни, которой необходимо угодать. Он не переступал порог мечети с самого отъезда из Индии. И он любит называть себя светским мусульманином так же, как многие евреи называют себя светскими иудеями.

Когда выпадала возможность обсудить врачебные штуки, Шаокат не нуждался в поощрении.

– Когда я только стал врачом, то проводил женские консультации. Сейчас это в прошлом. Ко мне на прием пришла пациентка с ангиной, а также с младенцем в слинге. Я даже не знал о ее беременности.

– У меня лучшая работа на свете, – виновато сказал Джо. – Хоть министр здравоохранения и стремится превратить жизни всех младших врачей в ад. Вот, посмотрите. – Он выхватил из кармана телефон и показал Ясмин и Шаокату эсэмэску: «Мы назвали его Джозефом! Спасибо!! xxx». К сообщению прилагалась фотка крепко зажмурившегося просвечивающегося личика.

– Мило, – сказала Ясмин. – Но... Ты что, даешь свой номер пациенткам? Так нельзя. Это запрещено общими правилами Треста здравоохранения.

– Да, но иногда правила бывают немного дурацкими, – возразил Джо. – В отделении висит объявление: мол, сотрудники, попавшиеся на воровстве чая или печенья с сервировочной тележки, подлежат дисциплинарному взысканию. За печенье с кремовой начинкой. Серьезно? Оно даже не фирменное! Обыкновенное уцененное печенье в картонных коробках под маркой супермаркета. Зря мы прекратили забастовку.

Шаокат провел языком по губам. Ранее в том же месяце, когда младшие врачи отменили первый из пяти запланированных забастовочных дней, он выразил надежду, что проблема успешно разрешена. Медицина – это призвание, предназначение, предначертание, а не конвейер. Поведение фабричных рабочих не пристало младшим врачам. Ясмин, в прошлом ноябре голосовавшая за забастовку, в январский и февральский забастовочные дни продолжала работать в обычном режиме, боясь отцовского осуждения. Но в апреле, когда разразилась всеобщая забастовка, вышла на демонстрацию вместе с Джо. Это было частью их начинающегося романа. О которой она предпочитала не распространяться.

– Не скучаешь по женским консультациям? – спросила она, надеясь отвлечь отца от проповеди против забастовок.

– Я читал о синдроме амниотических перетяжек, – сказал он и стал расспрашивать Джо, насколько часто он сталкивался с этой редкой патологией, каковы шансы обнаружить

ее при УЗИ и в чем заключаются сложности корректирующей внутриутробной операции.

Баба не говорил ничего предосудительного. Но его пиджак был слишком широк в плечах. Возможно, он все-таки усох – если не в высоту, то в ширину? Здесь, в Примроуз-Хилл, его лучший костюм выглядел потрепанным. «Лучше бы он оделся неформально», – подумала Ясмин, на секунду забыв, что у ее отца нет никакой неформальной одежды, не считая тренировочного костюма.

– Что ж, – произнес Шаокат, удовлетворив свой интерес, – наша семья – акушер-гинеколог, врач общей практики и гериатр – представляет собой Национальную систему здравоохранения в миниатюре, от колыбели до могилы.

– Я еще не определилась, – сказала Ясмин. Через несколько месяцев ее должны были перевести из отделения по уходу за престарелыми. План всегда состоял в том, чтобы впоследствии избрать гериатрию своей специальностью, но каким образом этот план нарисовался, было загадкой для нее самой. Шаокат одарил ее улыбкой, словно его позабавила ее внезапная причуда.

– Я буду горд, – сказал он, – называть тебя сыном. – Отвесив церемонный сидячий поклон Джо, он повернулся к Ясмин. Она приготовилась к пространной речи о природе отцовства или советам по поводу их совместного будущего, но он сказал только: – Если удастся побудить твою мать, полагаю, нам следует начать путешествие домой.

Отходняк

Прощания были полны воодушевления и обещаний. Ма заключила Гарриет в долгие крепкие объятия, а та, хоть и предпочитала ограничиваться воздушными поцелуями, почти полностью обхватила Анису за талию. Не забывайте же, и обязательно приходите, и конечно нет, и конечно да, и как чудесно, и очень-очень то и сё – пока они наконец не оторвались друг от друга.

В машине они быстро притихли. На город опустился туман, и фары прорезали узкую полосу черной дороги, оранжевые ореолы уличных фонарей, серебристые полосы света, появляющиеся и исчезающие с потоком встречного движения.

Начинался отходняк. Гарриет была наркотиком, а родители Ясмин – первичными наркоманами. Сейчас они неизбежно станут раздражительными.

– Надеюсь, – произнес Баба, – что ты не попросишь этого Сиддика провести никах. Он не праведник, а обыкновенный ханжа.

– Ханжа? – переспросила Ма. – Что ты говоришь – «ханжа»? Ты знаешь его? Не знаешь. Как ты можешь его оскорблять?

– Я о нем слышал, – сказал Баба, – и этого достаточно.

Ма проворчала что-то себе под нос по-бенгальски. Ясмин

не разобрала ни слова, но не сомневалась, что в эту минуту Ма твердо решила: традиционный исламский обряд бракосочетания ее дочери проведет имам Сиддик, если, конечно, ее муж не предотвратит это, убив ее, ее дочь или самого имама.

– Кроме того, разве произносить шахаду неискренне не запрещено? Джо не мусульманин и не желает таковым становиться; лично у меня нет возражений, я человек светский. Но я полагал, что тебе бы это очень не понравилось. Разве это не кощунство? У этого Сиддика я даже не спрашиваю, ему главное набить карманы.

Ма не ответила.

– Это было решено в один миг, – продолжал Баба, – и с той же легкостью может быть отменено. Что скажешь, Мини? Что думаешь на этот счет сейчас?

– С легкостью? – быстро вмешалась Ма, почуяв опасность. – Легко тебе говорить, когда у тебя нет родни, тебя нашли в капусте и ни одного приглашения ты не отправишь на родину!

– Сейчас лучше помолчать, – изрек Баба. Это прозвучало, словно заботливое предписание, врачебная рекомендация придерживаться постельного режима.

– Давайте обсудим это завтра, – сказала Ясмин. – Сегодня мы все слишком устали.

– Если Джо произнесет шахаду, – сказала Ма, – то сможет стать мусульманином в сердце. Это заронит в его душу се-

мя, и, может, не сразу, но семя прорастет. Дайте ему только произнести и открыть свое сердце.

Ма уже записала Джо в новообращенные! Необходимо сейчас же это остановить.

– Но, Ма... – начала Ясмин.

– Завтра, – отрезал Баба. – Сегодня мы все сказали больше чем достаточно.

Святой Варнава

Больница Святого Варнавы представляла собой скопление вопиюще разномастных строений, расположенных между двумя крупными перекрестками и общественным парком, к востоку от низенького муниципального жилого комплекса, постепенно расселяемого и намеченного под снос. По мере разрастания больницы здесь планировалось возвести очередную поликлинику, и, скорее всего, не одну. Неоклассический фасад первого здания девятнадцатого века был обращен к главной дороге. В соседнем красном кирпичном мавзолее из башен и башенок размещалось отделение амбулаторной хирургии. Сзади и с торцов больница Святого Варнавы мутировала в нагромождение бетонных бункеров, бруталистских многоэтажек, изогнутых зданий, обшитых оранжевыми и лаймово-зелеными пластиковыми панелями, бытовок, стоянок машин скорой помощи, парковок, служебных проездов, магазинов, лекционного зала, исследовательского центра, стоматологического института и других, более загадочных образований с названиями вроде «Здание Макса Хубера» и «Корпус Леонарда Росса».

Ясмин торопливо шагала через «зеленую лужайку» – серый асфальтированный участок, находившийся в географическом центре больницы. Она опаздывала.

– Ох, слава яйцам, что ты здесь, – поприветствовала

ее доктор Арнотт. – Иногда я жалею, что ушла из стриптиза. Там лучше платят и график попримичней. Клиенты иногда распускают руки, зато хотя бы не срут на пол.

– Тяжелая ночка? – спросила Ясмин. – Прости. Поезд.

– Мистер Ахмед пытался тайком подымить и поджег корзину для бумаг на сестринском посту. Просто чудо, что нам не пришлось эвакуироваться, учитывая, что охрана труда и здоровья, как говорится, свихнулась. Эта, как ее, крупная дама с пролежнями, всю ночь находилась в критическом состоянии. Господин из бокса «Д», тот, что с пневмонией, скончался, и мне жаль, но прямо сейчас я не могу даже вспомнить, как его зовут. А утром, в качестве вишенки на торте, миссис Антонова забаррикадировалась в телевизионной комнате. Остальное в записях. Я отчаливаю. Удачи!

– Спасибо, – сказала Ясмин. – М-м-м, Кэтрин...

– Что?

– Ты правда была стриптизершей?

Доктор Арнотт, которая была моложе Ясмин и еще проходила интернатуру, с сочувствием взглянула на нее:

– Только в студенчестве. У меня дома есть пилон, хочешь, как-нибудь научу тебя?

– Круто, – откликнулась Ясмин, почувствовав себя слегка неуверенно. Может, она должна уже уметь танцевать у шеста? – Наверное. То есть спасибо.

– Не вопрос, – бросила доктор Арнотт, уходя. – Да, чуть не забыла, – обернулась она. – Сегодня Пеппердайн прово-

дит обход суперрано, так что лучше шевели задницей.

– Амоксициллин, пятьсот миллиграммов, три раза в день. Постельный режим. Медсестра о вас позаботится. – Доктор Гриффитс назначал одинаковое лечение всем пациентам.

Ясмин подошла к восьмидесятисемилетнему мужчине, поступившему ночью по скорой с жалобой на боли в животе.

– Значит, ничего серьезного? – спросил мужчина, обращаясь к доктору Гриффитсу.

Ясмин искала в документах имя пациента.

– Мистер Ренфрю, – сказала она, – если не возражаете, мне нужно вас осмотреть. Это не займет много времени. Пожалуйста, поднимите сорочку, чтобы я могла быстро прощупать ваш живот.

– Послушай, сестричка, – отозвался мистер Ренфрю, – без обид, но лучше просто делай, что тебе говорят. Лады?

Она, разумеется, уже представилась («Меня зовут Ясмин, я врач»), но пациент явно пропустил это мимо ушей. Неудивительно. Нельзя ожидать от старого больного человека, что он всё поймет с первого раза.

Несколько больше удивляла готовность мистера Ренфрю довериться доктору Гриффитсу. Ясмин оглянулась через плечо. Доктор Гриффитс возился со стетоскопом, засунув его под свою пижамную куртку. Он внимательно прислушивался к своему сердцебиению, с глубокомысленным видом склонив голову набок.

– Амоксициллин, пятьсот миллиграммов. М-м-м. М-м-м.

Три раза в день, во время еды.

Манера общения с пациентами у него была превосходная. Он говорил с мягким, но непререкаемым авторитетом, подрывааемым лишь шлепанцами, пижамой и длинной ниткой слюны, тянувшейся из левого уголка его морщинистых губ.

– Меня зовут доктор Горами, – сказала Ямин. – Этот господин когда-то был терапевтом, но около тридцати лет назад вышел на пенсию. Сейчас он должен находиться в койке в соседней палате. – Уголком глаза она заметила, что на помилку беглеца уже спешит Анна, одна из санитарок.

– Без обид, но, по-моему, в моем возрасте это неправильно, – сказал мистер Ренфрю. – Вот что я получаю. Мне морочат голову. Уж извините.

– Доктор Гриффитс, – сказала Анна, беря его под локоть, – пора возвращаться в кабинет. У вас полная приемная!

– Ничего страшного, – сказала Ямин мистеру Ренфрю. Он выглядел настоящим душкой: облако седых волос, круглое, как попка младенца, лицо и дрожащий при разговоре подбородок, словно он вот-вот разразится слезами. Должно быть, у него была долгая ночь.

– Я зайду к вам попозже, – сказала Ямин. – Постарайтесь немного отдохнуть.

Миссис Адейеми сидела на краю койки в пальто и обуви, положив сбоку от себя собранную сумку. Ямин предстояло

оформить бумажки, необходимые, чтобы ее выписали, выдав все нужные лекарства. Пеппердайн огорчился, видя, что пациенты подолгу дожидаются выписки, зря занимая койки. Ясмин не хотела навлечь на себя один из его мрачных взглядов. Но она только что потратила почти полчаса, разбираясь с блокадой телевизионной комнаты. Время от времени такое случалось, но обычно по вине кого-то из пациентов с деменцией. Ум миссис Антоновой был остер как гвоздь. Ясмин удалось выманить ее с помощью банана и мандарина (из собственного ланч-бокса), а также обещания, что она лично починит радиатор за койкой миссис Антоновой, шпаривший в режиме адского пекла.

Ясмин вошла в систему компьютерного терминала на сестринском посту. Если удастся улучшить хотя бы десять минут, она сможет отправить бедную миссис Адейеми домой.

– Представь, Ясмин, вчера на работе я прошла двенадцать километров.

К ней обращалась Ниам – одна из сокращающегося штата медсестер. Казалось, с каждым днем сотрудников из агентства становится все больше. Не успеваешь выучить их имена, как они снова исчезают.

– Зато спортзал не нужен, – откликнулась Ясмин. Она чувствовала, что Ниам нависает над ней, желая поболтать. Но сейчас ей нужно было сосредоточиться. В любую минуту мог появиться Пеппердайн. После миссис Антоновой она провела в отделении интенсивной терапии даму с пролеж-

нями и инфекцией нижних дыхательных путей, переведенную туда после ночного ухудшения. Потом был мистер Ренфрю, хотя с ним она продвинулась не слишком далеко.

– Ясмин, говори что хочешь, но на самом деле... – Ниам скользнула на стул, скинула туфли и положила ноги на стол. Она была примерно ровесницей Ясмин, может, на пару лет постарше. В школе красивая, самоуверенная Ниам наверняка пользовалась популярностью. У нее были медные волосы и алебастровая кожа. Она всегда стрелой устремлялась к Ясмин, чтобы поболтать, как если бы они были подругами. А всё потому, что Ниам была, как сказал бы Баба, бездельницей и вечно находила отговорки, чтобы не выполнять свои обязанности. Впрочем, Ясмин отчасти чувствовала себя польщенной: в глубине души она была уверена, что в школьные годы Ниам скорее умерла бы, чем показала где-нибудь в ее компании.

– На самом деле ходьба медсестер не снимает стресс и не укрепляет сердце. Это доказано. А как у меня болят ноги! Сдается мне, это подошвенный фасциит. – Она принялась массировать ступню.

– Где именно у тебя болит?

– В центре обеих пяток. Ой, гляди, Нэнси идет. Ну, как мы сегодня поживаем?

– Нет-нет-нет. – Нэнси – крошечная старушка с редкими седыми прядями, свисающими с черепа, – глянула на них блестящими от отчаяния глазами.

– Нэнси, вам сюда нельзя, помните? – спросила Ниам. – Честное слово, Ясмин, это уже не смешно. За ними толком не следят, а если пациенты с деменцией вечно будут тут бродить, то застрашают всех остальных. Понимаешь, о чем я?

– Нет! – завопила Нэнси. – Говно, яйца, говно. – Она зачихнула костлявые пальцы себе в рот.

– Так, – сказала Ниам, понизив голос на октаву. – Значит, так, – повторила она, обходя стол. – Давайте отведем вас назад в койку.

Прибежала Анна – санитарка, обуздавшая доктора Гриффитса.

– Она такая шустрая, – сказала Анна, запыхавшись. – Миссис Паттинсон, нам надо подготовить вас к парикмахеру. Ну же, пойдете. Пойдете. – Еще немного поугуваривав, Анна наконец увела ее прочь.

– Знаешь что, Ясмин? – сказала Ниам, вернувшись на свой стул. – Врать не буду. Когда санитарки такие крупные – я не говорю «толстые», потому что у бедняжки это наверняка генетическое... Но когда санитарки такие крупные, стоит ли удивляться, что они не могут угнаться даже за девностолетними стариками? Печально, но факт.

– Анна быстро бегает, – возразила Ясмин. – Она с самого утра бегает по всей больнице. – Ей и в самом деле пора было сосредоточиться на документах для миссис Адейеми.

– Ну, если ты называешь это бегом!.. Впрочем, мне и вправду жаль этих западноафриканок. Понимаешь, о чем

я? Они же не виноваты, что такие огромные.

– Ты немного... – Ясмин замялась. – Немного обобщаешь, – неубедительно закончила она.

– Ну уж извини, что посочувствовала. – Ниам подалась вперед: – Как по-твоему, подошвенный фасциит считается трудовой травмой?

– По-моему, будет лучше, если ты обратишься к своему терапевту. Пусть хорошенько тебя обследует.

– О, обращаюсь, не беспокойся. Черт, он здесь. – Ниам вскочила. Если в этот момент у нее и болели ноги, то это было совершенно незаметно.

В дверях стоял Пеппердайн. На секунду отделение почти затихло, после чего шум и гам усилились.

– Зануда несчастный, – буркнула Ниам себе под нос, пригладивая волосы и оправляя форму. – Честное слово, я бы ему дала, – сказала она, словно они это уже обсуждали. – Я готова переспать с ним ради всех нас, потому что ему явно этого не хватает. Весь зажатый, скажи же? Хотя знаешь, Ясмин, он недурен собой. Для своего возраста. Знаешь, он никогда не был женат. Честное слово, я бы это сделала. Ради общего блага.

Бритва Оккама

Гериатрия представляла собой два объединенных отделения: восемь трехместных палат для женщин и, за центральным сестринским постом, восемь для мужчин. Над койками висели металлические штанги с тонкими синеватыми занавесками. Занавески, обозначавшие приватность, несли скорее символическое, чем функциональное значение. Возле каждой койки стояли тумбочка, шкафчик для личных вещей и жесткое скользкое кресло для посетителей. Ясмин не раз видела, как кто-нибудь из вымотавшихся посетителей – жена, муж или дочь, – задремав, соскальзывал на пол. Стены цветом и текстурой напоминали высушенные листья шалфея и выглядели так, словно вот-вот рассыплются в прах. Сквозь слабый теплый запах мочи пробивалась резкая нотка дезинфицирующего средства. Несмотря на высокие окна потолочное освещение не выключалось весь день, из-за чего Ясмин почему-то всегда чувствовала себя усталой. Она подавила зевок.

Обход продолжался целую вечность. Пациент из отделения интенсивной терапии забился в длительном эпилептическом припадке, предоставив Пеппердайну педагогическую возможность, упустить которую было бы непростительно. Отделение для больных деменцией неизбежно оказывалось медленным.

Внимание Ясмин рассеивалось. Ее преследовал внезапно возникший образ Гарриет, прощально машущей с порога «фиату мультипле», а потом, когда набитый членами семейства Горами автомобиль скрывался из виду, давящейся от хохота.

– Ясмин, вы, э-э... с нами? Хм... Да, хорошо... – сказал Пеппердайн, когда она слишком отстала. Студенты-медики тотчас же скучились вокруг него, словно гусята, и он взмахнул ладонью, подгоняя их вперед.

– Извините. Конечно, – ответила Ясмин. Пеппердайн был не таким устрашающим, как кое-кто из консультантов, но и не проявлял чрезмерного дружелюбия, как некоторые другие. Вдобавок он являлся ее руководителем и был к ней расположен – по крайней мере, Ясмин так казалось. Сложно было судить.

– Здравствуйте, Элси, – сказала Джули, старшая сестра, когда их процессия перешла в следующую палату. – Мы немного беспокоимся за Элси. Она уже четыре дня не опорожняла кишечник.

– Миссис Манро, как вы себя чувствуете? – спросил Пеппердайн. Он не одобрял манеры называть пациентов по имени, даже если те сами это разрешали или даже просили об этом.

– Неплохо, доктор, – ответила миссис Манро. – Сегодня чуть-чуть устала. – Она сидела поверх одеяла, откинувшись на тонкую подушку, и ее правую руку и ногу сводил тремор.

Пеппердайн, с позволения миссис Манро, велел одному из студентов ее осмотреть.

Джули скользнула прочь и быстро вернулась с еще одной подушкой, которую ловко подсунула под спину миссис Манро, нимало ее не побеспокоив.

– Итак? – сказал Пеппердайн.

Студент выглядел немислимо юным даже по меркам Ясмин. На его щеках вспыхнул румянец.

– Возможно, запор вызван болезнью Паркинсона? Или даже антидепрессантами? Она, типа, на циталопраме?

– Благодарю, Макс. Возможно, кто-то еще хочет высказать наблюдение? Есть желающие? – Пеппердайн печально оглядел стайку студентов. Одна молодая женщина втянула голову в плечи, словно пытаясь увернуться с линии огня. Постепенно последовали робкие ответы. Синдром раздраженного кишечника, гипотиреоз, гиподинамия, повреждение нерва, стресс или – прошептал кто-то – рак толстой кишки. Пеппердайн медленно кивал каждому студенту.

– Доктор Горами, возможно, вы, хм, желаете внести свою лепту?

Ясмин подошла поближе к койке и склонилась над пациенткой. Голова миссис Манро трепыхалась из стороны в сторону.

– Скоро мы оставим вас в покое, – сказала Ясмин. – Я только хотела спросить, как у вас с аппетитом?

– Прорва, – отозвалась миссис Манро. – Так меня мать

называла. Давным-давно, конечно. Нынче я не чувствую голода.

– А все-таки надо есть, Элси, – сказала Джули. – Утром вы, кажется, не доели завтрак? – Она выглядела натянутой как струна. Ясмин улыбнулась ей, и Джули быстро растянула губы в ответ.

Джули не раздавала улыбки понапрасну. Ее тонкие губы были собраны в прямую линию. Вблизи в мочках и хрящах ее ушей, в правой брови и левой ноздре можно было заметить следы пирсинга, которые, в отличие от самой Джули, говорили о ее прошлой жизни. Она никогда не носила украшений, даже гвоздиков в мочках ушей, избавившись от всех своих пирсингов, словно излечившаяся наркоманка. Ниам как-то сказала Ясмин, что у Джули проколот язык и интимная часть тела. Но Ниам много чего говорит.

– По-моему, это и есть вероятное объяснение, – сказала Ясмин.

На тумбочке стоял поднос с нетронутым завтраком: овсянкой, гренком и стаканчиком йогурта. В этом не было ничего необычного. Старые больные люди часто теряют аппетит. Но в данном случае его отсутствие наталкивало на страшные подозрения. Ясмин знала, что Джули подумала о том же.

Четыре дня без еды, а то и больше.

Пеппердайн хранил молчание. Ясмин взглянула в его длинное серьезное лицо. Высокий и поджарый, он держался

с холодной доброжелательностью. Ниам назвала его несчастным занудой, но это совсем не так.

– Простите, – сказала миссис Манро. – Я не хотела причинять вам беспокойство.

В дальнем конце отделения уже раздавали подносы с обедом.

Все наблюдали за дрожащими рукой и головой миссис Манро. Медсестрам и санитаркам положено кормить пациентов, которые не в состоянии питаться самостоятельно, и, как правило, они это делают. Но за теми, кто стесняется причинить беспокойство, легко недосмотреть.

– Никакого беспокойства, – ответил Пеппердайн. – Вы проследите? – мягко обратился он к Джули.

– Это больше не повторится. – Ее лицо и голос были напряжены. Пеппердайн был неизменно вежлив и скрупулезен. Все добивались его уважения, но никто, включая обычно невозмутимую Джули, не был уверен, что его заслуживает.

– Бритва Оккама, – сказал Пеппердайн. – Никогда не пренебрегайте очевидным ответом. Нет еды – нет испражнений. – Он кивнул Ямин, и она обрадовалась и слегка смутилась, словно он только что превознес ее до небес.

Они подошли к чистенькой, опрятной миссис Адейеми. Та сидела, плотно сдвинув ступни, обутые в ярко-синюю парусиновую послеоперационную обувь. Ямин пришло в го-

лову, что, помимо лекарств, миссис Адейеми понадобятся ходунки. И помощь по дому, хотя из медкарты было неясно, может ли она на нее претендовать. Нужно будет поговорить с Лесли, соцработницей, а Лесли так занята...

– Вот так так, – обратился Пеппердайн к миссис Адейеми, – что тут у нас? Неужели мы, к-хм, заставляем вас ждать?

– Надо только закончить с бумагами, – сказала Ямин.

– Понимаю, понимаю. – Он перевел внимание на пустую койку по соседству. – У нас беглянка.

Студенты захихикали.

Пустовала койка миссис Антоновой. Кто-то умудрился взломать окно.

– Радиаторы не работают как следует, – сказала Джули. – Их невозможно регулировать. Некоторые пациенты жалуются на духоту, поэтому мы открываем окно, но другие, конечно, тут же начинают жаловаться на сквозняк.

– А, – мрачно вздохнул Пеппердайн. – Прекрасный пример рационализаторства со стороны Траста. Техобслуживание передано на подряд – кто-то даже сказал бы, что оно перестало существовать как явление, – что побуждает пациентов к свободной конкуренции за регулирование климата.

– Я пообещала ей, что все почию, – сказала Ямин. Пеппердайн взглянул на нее. Она пожалела, что открыла рот, но теперь оставалось лишь продолжать. – Я про миссис Антонову. Она отказывалась выходить из телевизионной комнаты.

– Вы врач или волшебница?

Студенты снова захихикали.

– Я подкупила ее мандарином и бананом, – сказала Ясмин, – но она жесткая переговорщица.

Пеппердайн кивнул, но она приготовилась быть высмеянной. Этого не случилось.

– Хорошо, – сказал он. – Очень хорошо.

Никакого секса

– Я облажался, да? – Джо сидел на смотровой кушетке, а Ясмин стояла между его ног. На нем были синие молескиновые брюки и белая льняная рубашка. Остальные врачи-мужчины носили офисные рубашки с крахмальными воротничками без галстуков. Ясмин запустила пальцы в его челку.

– Все нормально. – Когда Ясмин вернулась домой, они поговорили. Потом он прислал полдюжины сообщений, извиняясь за свою бестолковость.

– Гарри наверняка забудет. Главное – при ней об этом не упоминать.

– Твоя мать, может, и забудет. Но моя – ни за что.

– Значит, ты скажешь ей, что ты этого не хочешь?

– Наверное. Я собиралась поговорить с ней утром, но Ма так радовалась, что пожарила на завтрак паратхи, и эти лепешки получились такими тонкими и так вкусно пахли, что у меня не хватило духу. – Может, было бы добрее не расусоливать. Чем дольше Ма будет лелеять фантазии про никах, тем больше расстроится, когда Ясмин их развеет.

Он зажал коленями ее ноги:

– Паратха на завтрак? Ладно, *возможно*, это очередной пример моей тормознутости, но что тут такого особенного?

– Она печет паратху на завтрак, только если у кого-то

из нас день рождения. Очевидно же! – Ясмин постучала его по лбу костяшками пальцев. – Это все знают!

– Конечно. Ну, если она *настолько* в восторге... Может, мы просто?..

– Ты не знаком с имамом Сиддиком.

– Ясно. – Его спокойные голубые глаза выдержали ее взгляд. – А это обязательно должен быть он? Может, пригласим кого-то другого в качестве... компромисса?

– Но ведь мы этого не хотим, – жалобно проблеяла Ясмин. Этого не хотела даже Ма. По крайней мере, она ни за что не упомянула бы об этом, если бы не вмешалась Гарриет. Ясмин села на вращающийся стул и крутанулась, оглядывая захламленный кабинет, где Джо только что закончил гинекологический прием. Стол завален: коробки презервативов, таблетки для экстренной контрацепции, одноразовые перчатки, тубики лубриканта, тонометр и анатомическая модель таза в натуральную величину – тазовые кости, крестец с копчиком и два поясничных позвонка.

– Слушай, – сказал Джо, – я просто пытаюсь вникнуть, что к чему. Ты рассказывала, что тебя воспитывали в мусульманской вере, и я знаю, что ты не ревностная мусульманка, но ты же сама говоришь, что иногда молишься, и...

– Не очень часто, – перебила Ясмин. – Почти никогда.

– Ладно. Понял.

– Вдобавок отец понятия не имеет, во сколько ему обойдется шатер и все такое прочее. Аренда стульев, столов,

украшений, танцпола и всего остального. Он наверняка воображает, что можно купить в «Аргосе» большую палатку.

– Не проблема, заплатить может и Гарри.

– Баба не хочет, чтобы она платила.

– Тогда скажи ему, что заплачу я. Такой вариант ему подойдет?

– Нет, он обидится.

– Тогда... Гарри скажет ему, чтобы возместил ей все затраты, а ты назовешь подходящую цифру. Ее устроит любая сумма.

– А меня – нет, – возразила Ясмин. – Все слишком усложняется. Давай просто подадим заявление и поженимся сейчас? Нам же не нужна вся эта суета. – Мысль о том, чтобы ждать еще полгода, вдруг показалась нелепой.

Джо выглядел озадаченным.

– Ну да, можно. Но как же быть с твоими заграничными родственниками? Ведь твоя мама очень хочет, чтобы они прилетели?

– Ничего страшного, – пожала плечами Ясмин.

– Для тебя – ничего. Но для...

– Ладно, – отрезала она. – Забудь. Подождем шесть чертовых месяцев.

– Это ведь ты не хотела торопиться, помнишь? – рассмеялся он.

– Да, но это было до того...

До чего? До того, как вмешалась Гарриет. Но этого она

сказать не могла. Гарриет приняла Ясмин с распростертыми объятиями, постаралась найти общий язык с ее родителями, и у Ясмин нет никакого права за что-либо на нее злиться.

– Давай просто снимем квартиру, – предложила она. – Пожениться можно и позже, но давай съедемся прямо сейчас.

– Ясмин, в чем дело? – спросил он. – Ты чего-то недоговариваешь.

– Ни в чем, – ответила она, чувствуя себя душой, и опустила взгляд на его обувь. Сегодня на Джо были светло-серые кроссовки с фиолетовыми шнурками. У него были шнурки всех цветов радуги и не только. По его словам, он вычитал эту «стильную уловку» в журнале в приемной у врача, когда ему было шестнадцать. И она просто вошла в привычку. – Я хочу, чтобы мы жили вместе, вот и всё. Мне не терпится.

– Мне тоже, – вздохнул он. – Но разве твои родители не расстроятся? – Он подошел к Ясмин, сел на корточки и серьезно посмотрел на нее снизу. Она ведет себя как эгоистичная сука. Рассуждает неразумно. Ясмин переплела пальцы за его шей.

– Прости, – сказала она. – Прости. Сама не знаю, что на меня нашло.

– У тебя есть время пообедать? Устроим пикник. Подожди здесь. Пойду принесу нам поесть.

Вместо того чтобы дожидаться в кабинете, Ясмин пошла в туалет. Помыв руки, она оценивающе оглядела себя в зеркале. Хотелось бы, чтобы губы были полнее, а нос – не таким круглым. По крайней мере, ей хотелось этого раньше, и мысль об этом возникла по привычке, без прежнего желания. Ее лицо привлекательно таким, как есть. Одни глаза чего стоят. И ресницы. Никакой туши не нужно. Ясмин наносила на них только вазелин. В этом отвратительном освещении ее волосы выглядели густыми и блестящими, но одинаковыми по длине и однотонными – черное каре до плеч. Зато на улице, когда они отправятся на этот загадочный двадцатиминутный пикник, станет видна стрижка каскадом. Проявятся оттенки: каштановый, золотистый, рыжий.

Это ведь ты не хотела торопиться.

Сунув палец под свитер, Ясмин дотронулась до помолвочного кольца – сапфира в бриллиантовой оправе на цепочке вокруг ее шеи. Носить кольца было запрещено. Траст разрешал только свадебные.

Когда Джо сделал ей предложение, они были знакомы всего пять месяцев. Он ждал целый месяц, прежде чем ее поцеловать, а четыре месяца спустя отвез ее на выходные в Париж и сделал предложение у фонтана Медичи. Она сразу же согласилась.

Той ночью, лежа в постели в гостинице за Люксембургским садом, она задала вопрос, который хотела задать последние четыре месяца: «Почему ты не поцеловал меня на первом свидании? Или хотя бы на втором, на третьем, на шестом?»

Он сказал, что в прошлом слишком часто прыгал в постель к разным девушкам: «Сама знаешь, каковы эти тиндер-свидания».

«Вообще-то нет», – ответила она.

«Неужели ты и впрямь встречалась только с одним парнем?»

«Да», – ответила Ясмин. Она рассказала ему про Кашифа, но слегка приукрасила действительность. Про двух парней из школы упоминать не стала, но с ними она не спала, так что они не считались. А после Кашифа она переспала с однокурсником, но всего один раз, и выкрутасы, которых он от нее хотел, которых ожидал... Ну, их Ясмин постаралась вычеркнуть из памяти.

«Я просто хотел сделать все правильно, – сказал он в ответ на ее вопрос. – Хотел, чтобы все было как следует. Я пытался по-другому, и, поверь мне, ничего не получалось. Это не для меня».

Они сидели на скамье на «зеленой лужайке», на солнечном пятачке. Пикник состоял из нескольких пачек чипсов и шоколадных батончиков, купленных в торговом автомате.

Джо рассказал о четырнадцатилетней девочке, пришедшей утром на прием. Девочка беспокоилась, что ее *интимное место выглядит странно*, и ее мать подтвердила, что дочка выглядит как-то не так. Женщины беспокоятся из-за формы своих половых губ, потому что сравнивают себя с актрисами, которых видели в порнухе. Но этой девочке всего четырнадцать! Терапевту так и не удалось убедить мать, что с ее дочерью все в порядке. Когда Джо заверил их, что девочка абсолютно нормальна и совершенно не нуждается в операции по уменьшению половых губ, девочка разрыдалась, а ее мать сказала: *Другими словами, мы должны обратиться в коммерческую клинику, вот что вы имеете в виду.*

– Надо было показать им ту фотку Гарри, – сказал он. – Ну, ты знаешь какую. Вот, мол, полюбуйтесь – настоящая женщина. Просто гордитесь своим телом таким, какое оно есть.

Раньше Джо никогда не упоминал о той скандальной фотографии. Он вкратце говорил о книге, в которой его мать описывала свои полиаморные приключения, и из его слов стало ясно, что он восхищается не только ее литературным стилем, но и смелостью, откровенностью. Единственное критическое замечание, которое он себе позволил, заключалось в том, что местами в мемуарах сквозило хвастовство.

– Точно, – согласилась Ясмин. Тут нет ничего стыдного. Джо не стесняется. Но он-то не рос в доме Горами, где никакого секса не существовало.

– Кстати, я связался еще с двумя риелторами. Три-четыре квартиры выглядят интересно. Но не сногшибательно. Подыщем что-нибудь покруче. Поверь мне, все будет зашибись. – Он улыбнулся своему чрезмерному энтузиазму. Ясмин обожала то, как Джо удавалось сочетать горячность с юмором, быть эмоциональным и одновременно расслабленным. Она обожала его серьезность и готовность над собой посмеяться.

Она посмотрела на ямочку на его подбородке:

– Пригласишь своего отца на свадьбу? Ты больше об этом не думал?

По его лицу пробежала тень. словно туча заслонила солнце.

– Отца? Не знаю. С тех пор как мне стукнуло пятнадцать, я видел его от силы раза четыре или пять. Он пропойца, лжец и изменщик. Причем это его *лучшие* качества. Стой, погоди, значит, свадьба все-таки будет? Потому что еще недавно ты хотела ее отменить.

– Неправда, – рассмеялась она. – Придурок.

– Я тоже тебя люблю, – отозвался он.

Шандор

Пациент был располагающим к себе молодым человеком, умным, красноречивым, самоироничным и обаятельным. Остро осознающим свои привилегии. Наотрез отрицающим свою боль. Шандор задумался, не пора ли ему вмешаться. Он достаточно наслушался обо всем, что не выстрадал его новый пациент, обо всех проблемах, которыми он не был обременен, дарованных ему благах и бесконечных причинах, по которым он не должен быть таким, как есть.

«Подожду», – решил он. Если за прошлый год Шандор чему-то и научился, так это тому, что британцы более свято соблюдают иерархию боли, чем американцы. В большинстве своем американцы менее склонны пренебрегать собственными страданиями только потому, что кому-то где-то пришлось гораздо хуже.

Шандор откинулся на спинку кресла и скрестил ноги. На удивление, удовольствие от сидения в кресле Роберта почти не притупилось. Если его тесть наблюдал за ним с небес, то наверняка кипел холодной-холодной яростью при виде того, как Шандор в мешковатых вельветовых брюках и поеденном молю свитере практикует в его кабинете вуду на сбившихся с пути пьяницах, азартных игроках, наркоманах и жертвах всевозможных зависимостей – слабовольных, никчемных или по воле рока наделенных «химическими дисба-

лансами» или неприспособленными мозгами. Доктор Роберт Эллиот Хиткот-Драммонд, член Королевской коллегии психиатров, член Королевского общества, лауреат медали Гаскелла и член Ордена Британской империи, занимался исключительно недугами и их лечением. Таблетками, инкарцерацией, электрошоковой терапией. Все остальное – вздор.

– В некотором смысле, – произнес Шандор, поскольку пациент закончил перечень даров своей судьбы, – вы уже сделали самый трудный шаг к выздоровлению, просто придя сюда. Я бы хотел, пользуясь моментом, отметить это. Давайте вместе признаем, что вам потребовалась смелость, чтобы обратиться за помощью. Похвалы вас смущают?

– Уф-ф. – Красноречие покинуло пациента. – Эм-м. – Он тряхнул головой, и челка упала ему на глаза. – Выздоровление? Не знаю. Ну, то есть... Когда вы так ставите вопрос, я чувствую себя каким-то жуликом, потому что...

– Потому что? Вы не больны? – улыбнулся Шандор. – Вы не аддикт?

– Даже не знаю, подхожу ли я. Ну, под определение аддикта. Наверное, я хочу сказать, что от слова «выздоровление» у меня чувство, словно я пытаюсь отвертеться. Как будто я ни за что не в ответе.

Мальчик – румяные щеки и полная верхняя губа придавали ему юный вид – был зависим от самокритики.

– Возможно, вам станет легче, если вы подумаете о том, что латинское слово *recuperare* – «выздоровливать», «восста-

навливаться» – также означает «снова получать». Какую потерю вы хотите снова найти? – Шандор выдержал паузу. Англичан, как правило, смущают подобные вопросы. Они смеются, конфузятся или отвечают на другой вопрос, который им не задавали.

Молчание тянулось. Шандор неотрывно смотрел на кофейный столик – круг из дымчатого стекла на пересекающихся резных ножках из тикового дерева. Модерн середины века, винтажный образец датского дизайна, известный как «стол-паук», – настоящая прелесть, хотя, по словам Мелиссы, не обязательно быть мозгоправом, чтобы сообразить, почему Шандор сохранил кабинет Роберта неизменным. Жена, разумеется, была права. Однако Шандору действительно нравился этот стол. И это кресло. На широкие подлокотники, покрытые буком, удобно класть записи. Также Шандор души не чаял в мини-баре розового дерева и двухъярусном коктейльном столе с суровыми металлическими ножками и изысканной мозаичной инкрустацией. И письменном столе с выдвижными ящиками орехового дерева, посеребренными ручками и серым лаковым подстольем в стиле ар-деко. Единственным, что Шандор заменил, был диван, потому что черная кожа и хромированный металл выглядели слишком негостеприимно.

– Возможно, это вопрос для другого дня, – произнес Шандор. – Давайте продолжим с семейной историей. Вы рассказали, чего ваши родители *не* делали. Они не били вас

et cetera. – Он шуточно поднял брови. – Мне любопытно узнать, что вы *испытали* в детстве. Определить источник травмы не всегда просто, но всегда полезно.

– Но я не испытывал никаких травм.

– Ладно. Понимаю. Ваш отец ушел, когда вы были совсем ребенком. Почему бы вам не рассказать об этом поподробнее?

Пациент говорил, а Шандор время от времени задавал ему наводящие вопросы и иногда делал записи. Мальчик старается угодить. Манера общения открытая и искренняя. Образован, дорого и со вкусом одет. Взгляд прямой. Рассуждения разумные. И наивные. Не знает, подходит ли *под определение* аддикта. Разумеется, на каком-то уровне он знает. Иначе зачем записываться на сеанс психотерапии к автору таких книг, как «Доза. Наркотическая зависимость и борьба за жизнь» и «Жажда. Освобождение от алкоголя»?

Шандор был также семейным психотерапевтом и всегда позиционировал себя в качестве такового, ведь аддикции почти всегда коренятся в семейной истории.

– Давайте поподробнее. Каково быть единственным ребенком? Вы сказали, что чувствовали себя особенным. Ваша мать заставляла вас чувствовать себя особенным. Каким образом?

Мальчик прижал костяшкку большого пальца к подбородку:

– Ну, она всегда ставила меня на первое место? Разговари-

вала со мной как с равным? Доверялась мне? – По обыкновению миллениалов, он начал превращать утверждения в вопросы.

Шандор кивнул и опустил взгляд на свои бумаги. У мальчика есть имя, и оно где-то здесь, в первичной анкете.

– То есть ваше детство было не совсем *нормальным*.

Мальчик – но он не мальчик, ему уже под тридцать – рассмеялся, давая понять, насколько бессмысленным считает данное утверждение.

– Наверное, как и у всех.

– Что вы чувствуете, когда говорите это? Что ваше детство не было нормальным.

– Я чувствую, что это какое-то эгоистичное нытье?

– Ладно. Понимаю. Но давайте попробуем еще раз. Когда я спрашиваю о ваших чувствах, я имею в виду эмоции, которые вы испытываете где-то в своем теле. Может быть, в груди, в горле, в животе – не важно где. Не спешите. Сделайте пару вдохов. Ваше детство не было нормальным. Что вы чувствуете, когда делитесь со мной этой информацией?

– Эм-м, наверное, я как бы задаю вам косвенный вопрос. Вы к этому клоните? Если задуматься, то да, я спрашивал, не считаете ли вы, что в моем детстве было что-то ненормальное, но вместо того, чтобы спросить прямо, ходил вокруг да около.

Шандор вспомнил имя пациента. Он знал, что оно всплывет в памяти. Бедный мальчик! На протяжении всей жизни

все его потребности удовлетворялись – за исключением самых насущных, которые оставались настолько неудовлетворенными, что он их даже не осознавал.

– Да, это, несомненно, толковый анализ. – Шандор кивнул в знак того, что оценил проницательность пациента. – Однако я поделюсь с вами небольшой хитростью, которая поможет вам назвать свои чувства и разобраться в них. Когда вы используете слово «что», это мешает вам назвать свое чувство. «Я чувствую, что...» или «я думаю, что...». Так не годится. Грусть – это чувство. Злость – это чувство. Я чувствую грусть. Я чувствую злость. Я чувствую страх. Я чувствую обиду. Видите? Слово «что» всегда будет вас запутывать.

– Я чувствую...

– Да?

– Я чувствую... будто я плохой человек.

– «Будто» – тоже блокирующее слово.

– Я чувствую себя... плохим, слабым, порочным.

Их первый совместный сеанс длительностью девяносто минут – следующие будут продолжаться пятьдесят, – подходил к концу, и Шандор уже догадывался, как сложится дальнейшая терапия. Картинка начинала вырисовываться. Но важно не забегать вперед. И не выносить непоколебимых суждений на основании первого впечатления. Шандор жалел этого мальчика, неспособного пожалеть себя самого.

– Похоже, вам очень тяжело, – сказал он.

– Почему я такой? Что со мной не так? – Розовые щеки стали пунцовыми.

– Почему вы аддикт?

Это слово вызывает у мальчика отторжение. Джо – не мальчик. Он молодой мужчина. А Шандор – старик. В последнее время, проходя мимо зеркала, Шандор всякий раз отмечал, как возраст обтесывает его лицо: крупный нос становился все крупнее, щеки проваливались, глаза западали. В свои шестьдесят четыре он чувствовал себя столетним стариком. Особенно в дни, когда приходилось останавливаться на полпути вверх по лестнице, чтобы перевести дыхание. Темные круги под глазами напоминали ему о его первых, бруклинских пациентах – метамфетаминщиках, героинщиках и других нелюбимых людях, которые столькому его научили и которым он был обязан всем.

Шандор наблюдал за борьбой в светлых голубых глазах Джо. Он плохой, слабый, порочный. *Аддикт* ли он? Подходит ли *под определение*?

– Да, – наконец сказал Джо.

Это был прорыв. По крайней мере, первый шаг.

– Посмотрите на это с другой стороны, – сказал Шандор. – Зависимость не главная проблема. Зависимость всегда представляет собой попытку *решить* проблему. Это неосознанная попытка избавиться от боли. Поэтому, Джо, вопрос не в том, откуда аддикция, а в том, откуда боль. Именно это мы и постараемся вместе выяснить на наших сеансах.

После того как Шандор проводил Джо, у него оставался еще час для себя. Весь дальнейший день был расписан. Хоть он и обещал Мелиссе, что станет принимать лишь нескольких пациентов и сократит рабочие часы, отказывать людям было слишком тяжело. Шандор скинул мокасины и лег на диван. Его захлестнула волна ностальгии. Когда Мелисса впервые привела его в этот дом, он был аспирантом, но Роберт заставил его почувствовать себя мальчишкой, повторив его имя, Шандор Барток, словно считал его каким-то розыгрышем. «Да, сэр!» – отозвался Шандор, стоя по стойке смирно в джинсах клеш и футболке с индийской спиралью, мысленно проклиная Мелиссу, которая тряслась от смеха за спиной отца.

«Международные отношения... – проговорил Роберт. – Это предмет вашего изучения или то, что вы делаете с моей дочерью?» Шандор в то время учился в Лондонской школе экономики, а Мелисса была на втором курсе бакалавриата по экономике. «Антропология, – произнес Роберт, узнав, что такова была профилирующая дисциплина Шандора в университете, – занимается изучением ребят в набедренных повязках. Так что же, ради всего святого, вы делаете в Лондоне?»

«Он изучает тебя, папуля, – сказала Мелисса. – Тебя и твое племя».

Провожая его до автобусной остановки после ужина, она

всю дорогу хихикала. «Папуля никогда не встречал всамделишного хиппи, – сказала она. – А мамуля сама выбрала мученическую жизнь под игом папули и не заслуживает ничьей жалости».

Когда ее мать умерла, Мелисса начала вслух задумываться, не вернуться ли им в Лондон, ведь Адам уже взрослый. Неделя с Робертом после похорон (отныне ее мать не игнорировалась, а идеализировалась) уничтожила эту идею в зародыше. Но после смерти Роберта Мелисса снова заговорила о возвращении. Адам перебрался в Берлин, так что жить в Лондоне можно было с тем же успехом, что и в Нью-Йорке. Шандор согласился. План был пожить в доме, пока он не продается, но спустя год они слишком обжились, чтобы его покидать.

Да, сэр!

Расклешенные джинсы и футболка с индийской спиралью.

Да, сэр!

Шандор улыбнулся и закрыл глаза.

Чай Валла

Ариф лежал на диване, ел кукурузные чипсы *Doritos* с перцем чили из пачки и копался в телефоне. Из его дырявых носков торчали большие пальцы ног. Дверь в гостиную он оставил распахнутой и окликнул проходившую мимо Ясмин, когда та попыталась прошмыгнуть к себе в комнату.

– Короче, я уже слышал. Ма нехило обрадовалась.

Ясмин прислонилась к дверному косяку.

– Ариф, я с ног валюсь. Я не в настроении. И мне нужно заниматься.

Он бросил пачку чипсов на стол и скинул ноги с дивана.

– Я тоже не в настроении. – Он беспомощно посмотрел на нее. – Ладно. Иди.

Ясмин уронила сумку на пол и села рядом с ним.

– Что? – спросила она. – В чем дело?

Он возвел взгляд к потолочному плинтусу, словно ответ мог таиться в его пыли.

– Значит, Джо перейдет в мусульманство, – сказал он. – Молодчина.

У Арифа был такой же тонкий нос, как у Шаоката. Ясмин, унаследовавшая круглый нос Анисы, раньше завидовала брату, но теперь заметила, что из-за этого узкого носа Ариф выглядит осунувшимся и брюзгливым. На суровом лице Шаоката он смотрелся по-другому.

– Поживем – увидим, – ответила Ясмин. Ей не хотелось это обсуждать, тем более с Арифом. – Всё, я иду к себе.

– Помнишь ту девчонку? – спросил Ариф, садясь. – Ну, с которой я в тот раз был в магазине.

Люси-как-ты-догадалась.

– Она вроде ничего, – ответила Ясмин и подождала, но Ариф уже потратил все силы на предыдущую фразу. – Люси, кажется? Насколько я понимаю, она твоя девушка.

Послышался звук открываемой двери, и по кафельному полу прихожей знакомо зашлепали башмаки Шаоката. Став старшим партнером, он перестал посещать пациентов на дому по вечерам и теперь всегда возвращался сразу после закрытия клиники.

Только сейчас до Ясмин дошло, что Ма не высунула голову из кухни и в доме не витает запах готовки.

– А где Ма? – спросила она Арифа.

– Чаевничает с твоей свекровью.

Ариф попытался улизнуть, но Баба велел ему остаться. Если он намерен относиться к этому дому как к гостинице и вести себя как постоялец, как чужак, пусть платит за проживание и перестанет принимать участие в жизни семьи. Шаокат отвернул свой деревянный стул от стола и сел прямо, как судья, лицом к детям. Ариф положил ноги на кофейный столик со столешницей из оникса. Большие пальцы его ног, голые и торчащие, внезапно стали выглядеть непристойно.

Он вызывающе пошевелил ими.

Ясмин примостилась на подлокотнике дивана. Она надеялась, что Шаокат оставит Арифа в покое. Но знала, что неблагодарность Арифа огорчает отца, десятилетиями трудившегося, чтобы заработать на дом с четырьмя спальнями в тупичке с верандой для зонтов и обуви и садом больше ста футов в длину и полностью оплатить обоим своим детям университетское образование (*вот что* Баба делал со своими деньгами); его огорчает, что, входя в дом своей мечты, ему приходится игнорировать пыль, беспорядок и горы хлама, по дешевке купленного в благотворительных магазинах; огорчает, что сад уродует хлопающая на ветру парниковая пленка и грязные траншеи, остающиеся после редких порывов Анисы к сельскохозяйственной деятельности. Все это огорчало его, но он никогда не жаловался. Напротив, он старался поощрять и хвалить многочисленные и разнообразные затеи, которые Ма бросала на полпути. И несмотря на то, что он часто старался закрывать глаза на поведение Арифа, ему не всегда это удавалось. Ариф, раздражающе хрумкающий чипсами и беспардонно ковыряющий в зубах, несколько не облегчал ему задачу.

– Баба, у меня сегодня был один пациент, которого я хотела с тобой обсудить.

Мистер Ренфрю, ранее отбрыкивавшийся от осмотра, при обходе консультанта купался во внимании. Он осчастливил Пеппердайна подробным анамнезом, включавшим в себя пе-

ренесенную больше шестидесяти лет назад аппендэктомиию, подхваченную на Филиппинах лихорадку денге и рассуждения по поводу неспособности национальной системы здравоохранения вылечить его от синдрома запястного канала. Ясмин в общих чертах описала самые актуальные части его медицинской истории и свои наблюдения, и Баба снял очки, чтобы без помех поразмыслить о подробностях. Он задал несколько вопросов, подтолкнул ее к дифференциальному диагнозу, напомнив клинический случай, который они разбирали вместе, и посоветовал провести анализ на иммуноглобулин G.

Ясмин молилась, чтобы Ма поскорее вернулась домой и Ариф смог ускользнуть. Что от нее понадобилось Гарриет? И не слишком ли поздно для чая? Но Ма все не возвращалась, и Баба переключил внимание на сына.

– Ну а теперь будь добр, поведай нам, чем весь день занимался ты.

Ариф подбросил в воздух чипсину и безуспешно попытался поймать ее ртом. Она так и осталась лежать у него в промежности.

Баба позволил молчанию разрастись и заполнить комнату. Когда оно стало невыносимым, Ясмин постаралась заставить себя заговорить, но Баба вскинул ладонь, призывая ее к молчанию.

– Возможно, откликался на вакансии?

– Ага, – ответил Ариф. – Откликался на вакансии. Целый

день.

– Ясно. Ты не мог бы показать мне эти отклики?

– Не могу. Отправил их. Они на почте.

– Ни одного имейла? ни одного отклика онлайн? Совсем ничего не можешь показать?

– Ничего. – Ариф расправил пачку чипсов и высыпал крошки себе в рот.

Сегодняшний двубортный костюм Шаоката был застегнут на все пуговицы. Галстук в полоску различных оттенков коричневого слегка сбился набок, уголок воротника рубашки слегка пообтрепался, но всё в его одежде, позе, в которой он сидел, в аккуратно причесанных волосах говорило о том, что он усердно трудится, прилагает усилия и, что самое главное, ему *не наплевать*. Ариф был в грязных джинсах. Его отросшие волосы выглядели сальными. Поза, в которой он лежал, – раскинув руки на диване и забросив ноги на кофейный столик, – говорила об обратном: ему все до лампочки.

«Но Ариф тоже прилагает усилия. Если бы он меньше волновался о том, чтобы выглядеть безразличным, ему было бы гораздо проще», – подумала Ясмин.

Шаокат всматривался в Арифа, словно с огромного расстояния, хотя легко мог протянуть руку и дотронуться до него, не вставая со стула.

– И в самом деле, – сказал он, – подходящее слово. Ничего. Подходящее для твоего случая, ведь ты ничего в жизни не добился.

Ариф медленно поднялся:

– Ага, спасибо. Спасибо за это. Очень в тему. Спасибо за поддержку. По-твоему, я не откликался на вакансии? Так по-твоему? – Он пошел к двери, но снова вернулся. Его голос звучал громче и пронзительнее. – Я нанимался на столько... не знаю... со счета сбился. Сотни вакансий, и что получил? Пять собеседований, полгода в колл-центре, месяц в продажах по телефону. Ты говоришь, что никакой дискриминации нету, думаешь, что я ленивый, что сам во всем виноват, но вот что я тебе скажу: вообще-то ты имеешь на семьдесят четыре процента больше шансов получить предложение о работе, если у тебя «белое» имя. Так что спасибо огромное, я так благодарен, что ты тыкаешь меня носом в то, что я ничего не добился!

– Сядь, – велел Шаокат. – Успокойся. – Он подождал, но Ариф остался стоять. – Прекрасно, ты сам выбираешь, как себя вести. А теперь, с твоего позволения, я тоже кое-что тебе скажу.

– Сядь, – прошептала Ясмин. – Пожалуйста.

Ариф ее проигнорировал. Ему явно хотелось выскочить из комнаты, хлопнув дверью, но он настолько разрывался от нерешительности, что чуть ли не вибрировал на месте.

– Ну, начинается! – сказал он. – Пошло-поехало! Твое великое вознесение из навоза самой бедной деревни в Западной Бенгалии.

Шаокат расстегнул пиджак и разгладил галстук.

– Я прошу прощения за то, что в прошлом докучал тебе историей своей жизни. Своим сатирическим замечанием ты справедливо указываешь, что ей далеко до героического эпоса, и мне известно, что в твоих глазах я всего лишь посредственность.

Ясмин хотела возразить, но знала, что отец не пожелал бы, чтобы его перебивали. Он погрузился в раздумья или, возможно, просто прервался, чтобы придать своим словам больше веса. Она взглянула на брата, и ей показалось, что тот немного смягчился. Ариф наговорил грубостей сгоряча, по сорвавшемуся почти на писк голосу было件нятно, что он совершенно вышел из себя.

На самом деле Шаокат почти не говорил о своем детстве. Он рассказал им всего несколько подробностей. У школы, которую он посещал с пяти до одиннадцати лет, было всего три кирпичных стены. Четвертая представляла собой отодвигающуюся заслонку из волнистого железа, заменявшую одновременно окно и дверь. Он учился писать, вычерчивая буквы прутиком на земляном полу, потом переключился на грифельную доску и лишь позже – на бумагу, когда таковая имелась в наличии. У него не было братьев и сестер, потому что его мать умерла вскоре после его рождения, а отец до самой смерти оставался вдовцом. Когда Шаокату едва исполнилось двенадцать, его отец умер от холеры.

Следующие два года Шаокат жил с дядей и ходил в сред-

нюю школу в соседней деревне, в трех милях от дома. Этот путь он проделывал босиком, а башмаки нес на веревочке через плечо, чтобы не стоптать кожаные подошвы. Но у дяди было девять своих детей, и он не мог кормить Шаоката вечно, поэтому в возрасте четырнадцати лет его отправили в Калькутту в помощники чьему-то дальнему родственнику – чай валле. Этот продавец чая, которому посчастливилось торговать в прибыльной точке на Парк-стрит, расширил свое дело до второго самовара.

Ясмин всегда думала о том, как началась жизнь отца, с волнением, гордостью и страхом, словно до сих пор оставался риск, что он не вырвется из пасти бедности, никогда не пустится в свое долгое и тяжелое путешествие или отправится в него, но никогда не достигнет назначения.

Ариф, насколько она знала, относился к отцовскому прошлому иначе. Несколько недель назад, когда он пожаловался, что у него старый и медленный ноутбук, Баба напомнил ему, что учился писать на земле. «Опять твоя взяла», – ответил Ариф.

– Вот что я хочу тебе сказать, – произнес Шаокат.

Услышав это вступление, Ариф закатил глаза и так ссутулился, что все его тело превратилось в вопросительный знак. Ну?

– Возможно, тебе не помешало бы допустить, что так называемые предрассудки, с которыми ты сталкивался до сего

времени, связаны скорее с твоим посредственным дипломом по социологии, чем с твоим именем. Которое к тому же несколько не помешало ни мне, ни твоей сестре.

– *Chood*, – сказал Ариф, скептически качая головой. – *Chood*.

По какой-то причине ему удавалось ругаться по-бенгальски в присутствии отца. По-английски он на это не отваживался.

– Возвращайся в колледж, – быстро, почти тревожно сказал Шаокат. – Возможно, тебе придется пересдать пару выпускных экзаменов, зато потом ты сможешь наконец поступить в приличный университет. Как насчет бухгалтерского дела? В детстве ты любил математику, так быстро считал... – произнес он с нежностью, но потом: – Уму непостижимо, почему ты зарываешь в землю свои способности.

– Бухгалтер, – поморщился Ариф. – Бухгалтер или врач, так? Вот и весь выбор.

– Предпочитаешь технологии? – резонно спросил Шаокат. – Ты утверждаешь, что создаешь приложения. Почему бы не делать это как следует? Получи диплом по информатике. Уверяю, ты не будешь подвергаться преследованиям из-за своего имени.

Ариф взорвался:

– БУХГАЛТЕР! ВРАЧ! ЯЙЦЕГОЛОВЫЙ ИНДИЕЦ-АЙТИШНИК! НИЧЕГО ИЗ ЭТОГО Я НЕ ХОЧУ!

– А чего ты вообще хочешь? – Ясмин вскочила, едва

не срываясь на крик. – Что с тобой не так? Разве ты не видишь, что Баба пытается помочь?

– Помочь? Это он-то? Он знает, почему у меня плохой диплом. *Знает.* Еще и попрекает меня.

– Ариф, это не так, – возразила Ясмин. – Ты всё выворачиваешь наизнанку.

– Хватит, Мини, – сказал Шаокат. – Не нужно горячиться. Ясмин села и посмотрела на свои ладони.

– Когда я женился на вашей матери, мне было двадцать три, – сказал Шаокат. – На год младше тебя, Ариф. Только после этого я поступил в университет. Семь лет в Калькутте, чтобы выучиться на врача, а когда я прилетел в Лондон, то снова готовился к экзаменам. Мне было тридцать восемь, когда я получил первую настоящую работу – не временную, а постоянную. Я хочу сказать, сын мой, что впереди еще много лет. Ты злишься, потому что считаешь, что твоя жизнь потрачена впустую. Уверяю тебя, это еще не случилось. Выбери факультет и университет, а деньги я найду. – Он потер виски и закрыл глаза.

– Не дожدهшься, – сказал Ариф. – Я без того вечно выслушиваю, сколько денег ты потратил на мое образование. Поэтому, я позволю тебе платить за еще один диплом? Чтобы всю жизнь потом благодарить тебя за то, чего я даже не хотел? А ты! Как насчет тебя? Ты утверждаешь, будто сделал себя сам и все такое, типа, роза из навоза, все своими силами... – Он размахивал руками, чтобы компенсировать свое

косноязычие. – Но за все это заплатила мамина семья. Если бы не они, ты бы до сих пор разливал чай и подметал осколки глины.

В первую из двух семейных поездок в Калькутту Баба сводил их на Парк-стрит, чтобы показать место, где когда-то работал. Теперь его занимал лоток с джалеби, мучными спиральками в шафрановом сиропе, но вокруг было полно торговцев чаем, и Ямин с Арифом пришли в восторг от бхар – глиняных чайных чашечек, которые, после того как допьешь, принято швырять себе под ноги и разбивать. Баба скромно и откровенно рассказывал о своем прошлом. И вот чем ему отплатил Ариф.

Ямин свирепо уставилась на брата. «Заткнись», – одними губами произнесла она, показывая ему средний палец. Когда она снова посмотрела на Шаоката, он уже открыл глаза.

– И да и нет, – сказал Шаокат. – Возможно, ты забыл, что к возрасту шестнадцати лет я уже оставил чайное дело. Я занимался самосовершенствованием. За медицинский университет действительно заплатил мой тесть. Но я вернул этой семье все до последнего гроша. С процентами. Которые их вера не помешала им взыскать. Их инвестиция была надежной и безопасной.

– Инвестиция? – переспросила Ямин. Она и не знала, что он вернул им деньги. Впрочем, он ведь крайне горд. – Потому что они увидели твой потенциал? Точно так же, как и Ма,

когда вы познакомились.

– Да, конечно, Мини. Ты права. Как ты знаешь, именно так все и произошло. – Баба встал и отнес свой стул обратно к столу. Затем передвигал его, пока не добился, чтобы он стоял идеально ровно. – А теперь мне нужно кое-что почитать. Ариф, ты можешь подумать над моим предложением или, если угодно, не раздумывая его отвергнуть. Но в течение месяца ты должен либо предпринять шаги к дальнейшему образованию, либо найти работу. Если не сделаешь ни того ни другого, пеняй на себя. – Повернувшись спиной, он добавил: – Подметай улицы, если придется. Все должны с чего-то начинать.

Замзам

– Ну, куда вы ходили? О чем разговаривали? – Два дня назад Ясмин целый вечер с ужасом воображала предстоящее знакомство Гарриет и Ма, и вот уже допрашивает свою мать, словно та побывала на свидании!

– Смотри, – сказала Аниса, расстегивая молнию на нейлоновой хозяйственной сумке в красно-синюю клетку, в которой предпочитала носить покупки. – Пицца! – Она с наигранным удивлением фокусника, достающего кролика из шляпы, вытащила четыре коробки. – Вот в этой много разных видов сыра.

Насколько помнила Ясмин, до сих пор пицца появлялась в доме всего однажды – тогда к ней в гости пришли белые одноклассники, и она потребовала на ужин английскую еду. Ей почему-то было невдомек, что карри – не менее английское блюдо, чем пицца, и, вероятно, более вкусное.

– Ма, я правда хочу, чтобы ты во всем принимала участие – ну, я про свадьбу, – но мы с Джо не уверены...

– Свадьбу мы не обсуждали, – перебила Аниса. Очевидно, у них с Гарриет были более важные темы для разговора. Она включила радио на низкой громкости. Если Ма находилась в кухне, то радио непременно работало, и голоса журчали на заднем плане, словно вода.

– Мы не уверены насчет имама. Я знаю, что для тебя это

важно. И для тетушек Амины и Рашиды, но...

– Когда ты была маленькой, я рассказывала тебе так много историй из Корана. Помнишь, как ты любила слушать? – Аниса расстегнула свои тяжелые золотые серьги и потянула себя за мочки ушей, как будто за годы они еще недостаточно растянулись. – Помнишь историю про Ибрахима? Как он разбил идолов в аккадском храме? Она была твоей любимой. «Разве он не боится, когда его бросают в горящий костер?» Ты всегда про это спрашивала.

– А ты отвечала: нет, он знает, что Аллах его спасет.

– Языки пламени превращаются в...

– Цветы.

– Цветы, – с лучезарной улыбкой повторила Аниса и принялась снова по кухне, рассказывая историю о рабыне Хаджар, отданной в услужение Саре, жене Ибрахима. Ясмин наполнила кувшин водой, достала из шкафчиков стаканы, нарезала чили и четвертинку лука и смешала их с небольшим количеством воды, солью и щепоткой сахара, чтобы подать на гарнир. После того как Хаджар родила Ибрахиму сына Исмаила, Сара стала ревновать к младенцу и его матери. Ясмин не понимала, почему Ма вечно подчеркивает, что Ибрахим и Сара очень любили друг друга. Сара была бесплодна и подарила Ибрахиму Хаджар. Если Ибрахим любил Сару, настолько прекрасную, что ей приходилось отбиваться от фараонов, то почему ему было мало ее одной? А Сара хоть и подарила мужу Хаджар от любви, но наверняка ожидала, что

он откажется? Это звучало как полная противоположность брака по любви, однако Ма словно бы рассказывала романтическую повесть.

Ма продолжала говорить, порхать и прибираться. На ней были ее лучшие нефритово-зеленые шальвары, узко приспороенные на лодыжках, черная рубашка на пуговицах и лососево-розовый кардиган. Похоже, она снова не смогла выбрать между нарядами и решила просто совместить оба.

– Хаджар одна в пустыне, младенец Исмаил плачет и плачет. – В голосе Анисы сквозило счастливое изумление. Она перенеслась в прошлое, когда сажала Ясмин и Ариффа на свои мягкие колени и крепко приматывала к себе, пеленая историями из Корана и хадисов.

В те времена Ясмин и Ариф молились вместе с Ма, и Ясмин почему-то думала – или ее в этом убедили? – что Баба молится в одиночестве, у себя в комнате или на работе. Узнав правду, она глубоко встревожилась. Она стала особенно горячо молиться за него в своих ду'а⁶ и от всей души надеялась, что ему это зачтется. Будь это возможно, она бы совершала вместо него намаз.

Достигнув возраста средней школы, Ясмин начала перемещаться с орбиты Анисы на орбиту Шаоката. Он превозносил достоинства науки. Объяснял ей важность проверяемых гипотез. Величие доказательств. Баба тоже рассказывал истории, которые тоже часто повествовали о мирах, невиди-

⁶ Ду'а (араб.) – обращение к Аллаху с просьбой.

мых глазу. Он рассказывал про Галена, ван Левенгука, Менделя, Пастера, Уотсона и Крика. Ясмин ни разу не видела ни шайтанов, ни гурий, ни ангела Джабраила, ни огненного ифрита. Зато, когда Шаокат купил ей микроскоп от *Bausch & Lomb*, она своими глазами увидела бактерии, протоплазму, вакуоли и хлоропласты.

В детстве, когда приходило время разворачивать молитвенные коврики, Ариф ныл и капризничал. Еще лет с восьми он прекрасно знал, что для Анисы важно, чтобы ее сын совершал намаз. Он так отлынивал, что она сдавалась, но уже через несколько недель возобновляла наступление, напоминая ему, что говорится в хадисе: велите детям молиться, начиная с семи лет, и бейте их за неисполнение молитвы, начиная с десяти лет. Ариф воспринимал это как карт-бланш – в его распоряжении оставалось еще два года. Все равно Аниса ни за что не стала бы его бить; ее наказания были мягкими, словно теплый летний дождь. Все трое, они знали, что как только Ариф достигнет половой зрелости, его мать уже не сможет вести сына в молитве. Но в результате отпала Ясмин. По словам Шаоката, не существовало ничего важнее учебы.

– Когда Хаджар прибегает назад к Исмаилу, – сказала Ма, – его оберегает ангел, но родниковая вода течет так быстро, что она боится, что ее младенец утонет.

– Замзам, Замзам! – сказала Ясмин.

– Замзам, – подтвердила Ма. – Стой! – Она открыла двер-

цу духовки. – И вот так святая вода Мекки получила свое название. Всегда я заканчиваю историю так. – Она сняла прихватки и заключила Ясмин в розовые кардиганные объятия, окутав ее ароматом ландыша. – О, миссис Сэнгстер – замечательная женщина. Очень-очень добрая и замечательная.

– О чем вы разговаривали? – Невозможно представить Ма и Гарриет за душевной беседой!

– О всякой всячине.

– Например?

– О феминизме, – ответила Ма. – Сейчас будет готова пицца.

– Значит, Гарриет делает из тебя феминистку? – улыбнулась Ясмин.

– О нет, – просияла Ма. – Я уже феминистка.

Черный список

– Он лицемер. – Ариф лежал плашмя на спине на своей кровати. Ямин, расчистив себе местечко, сидела на его письменном столе. – Лицемер. Идиот. Козлина.

– Ладно, – сказала Ямин, – даже если он... – Она осеклась. Урезонивать брата всегда было неблагодарной задачей.

– То есть ты согласна?

– Я не то имела в виду.

– Он знает, почему у меня паршивый диплом. *Знает.* Но никогда не признавал, что тоже сыграл в этом свою роль.

– Разве не лучше было бы заняться собой, решить, чего хочешь *ты*? – сказала Ямин. – Другие люди тут ни при чем.

– А еще я, типа, стопудово в каком-то списке. Типа, в списке Министерства внутренних дел... в черном списке. Я подал запрос. В соответствии с ЗСИ, это, типа, Закон о свободе информации, но что я получил в ответ? – Он сел. – Шиш.

– Может, все-таки лучше подумать о будущем, чем заикливаться на прошлом? – посоветовала Ямин. Чуть раньше они съели пиццу почти в полном молчании: Ариф надулся, Шаокат сдерживался, Ма впала в мечтательность.

– Заметь, – сказал он, – заметь, что про такие списки они ни за что информацию не дадут. Такая информация ни разу не свободна.

– Они же сказали, что никакого учета не будет, – возразила Ясмин.

– Ни фига, – отозвался Ариф. – Они сказали, что *меня* не поставят на учет. Типа, на криминальный учет. Потому что ничего криминального я не сделал. Это не значит, что вообще никаких данных не останется.

– Ох, Ариф. – Ясмин со вздохом наклонилась и коснулась его прислоненной к стене гитары. – Давненько я не слышала, как ты играешь.

– Знаешь, что он сказал, когда они нагрянули с обыском к его единственному возлюбленному сыну?

– Я там была, – пробормотала Ясмин.

– Что это одолжение с их стороны, потому что соседи ничего не видели. Да уж, есть за что благодарить! А потом он идет к Финтану Фаэрти и говорит ему: «Спасибо вам, профессор Фаэрти, за то, что довели до моего сведения, что мой единственный возлюбленный сын – мусульманин, я немедленно положу этому конец».

– Ты действительно так думаешь? – спросила Ясмин. – В самом деле?

– Я не *думаю*, я *знаю*. *Профессор* Фаэрти! Никакой он не профессор, а просто младший препод, который не может отличить исследовательский проект от терроризма. Меня задолбало притворяться, что этого не было. Задолбало, что меня считают парией в собственном доме.

Ариф перевернул всё с ног на голову. Они почти не об-

суждали случившееся, но это было четыре года назад, когда Ариф был в самом начале второго курса.

Библиотекарь доложил мистеру Фаэрти, а тот сообщил о своих опасениях в полицию. Ясмин считала, что мистеру Фаэрти следовало сначала поговорить с Арифом. Тогда он понял бы, что у Арифа просто в кои-то веки проснулся интерес к учебе, и он принялся увлеченно собирать информацию для своей курсовой про исламизм в Великобритании. Но Баба отнесся к этому иначе. Глупость Арифа была колоссальна, совершенные им нарушения – вопиющи, поведение – безответственно. «Пусть остается в полицейском участке!» – прикрикнул он на Ма, когда та стала умолять, чтобы он забрал ее сына. Баба всегда уступал ее желаниям, но только не в этот раз: «Пусть там сгниет! Если я приведу его сюда, то убью своими руками. Пора положить конец этому вздору. Я больше не позволю ему покрывать позором этот дом!»

Под «позором» Баба имел в виду полицейский обыск в его доме. Но Ясмин подозревала, что истинная причина его стыда лежала глубже – Шаокат стыдился, что не сумел воспитать хорошего сына. Что сын относится к нему без уважения.

Выпустив пар, Баба сразу отправился в участок и привез Арифа домой. Но Ариф просто развернулся и ушел. Следующие пару месяцев он не появлялся дома. Когда его друзьям надоело, что он спит у них на диванах, он без предупреждения и обсуждения вернулся со своей гитарой, гантелями и спортивной сумкой. До скандала Баба разрешил Арифу

снять комнату где-нибудь поближе к кампусу, но, очевидно, его предложение утратило актуальность. Ясмин знала, что Ариф обижает это бесконечное, на его взгляд, наказание, но он сам облажался, в то время как ей отец ничего подобного не предлагал. Считалось само собой разумеющимся, что она проведет все пять лет учебы под родительским кровом. *Лучшие в мире медицинские университеты находятся в Лондоне. Тебе незачем уезжать в Лидс.*

Какое-то время Ариф продолжал носить традиционную индийскую топи, которую Баба сбил с его головы в первый день по его возвращении. Демонстративно, назло отцу, посещал мечеть. Выставлял напоказ свои тасбих⁷. Ясмин беспокоилась. Ариф собирал информацию о радикализации молодых мусульманских мужчин. Что, если этот опыт превратил его самого в один из объектов его изучения? Вернувшись домой, он ненавидел всех вокруг. Полицейских, которые, по его убеждению, установили прослушку на его ноутбук. Отца. Преподавателя. Библиотекаря. Студентов, которые не устроили протест в его поддержку.

Возможно, именно так все и произошло. Ясмин это пугало. Она боялась за него. Ариф надел маску, но вдруг он поверил, что она и есть его подлинное лицо? Ее брат станет исламистом. Она знала, что это чрезвычайно маловероятно, но все равно волновалась.

Вдобавок Ма дополнила пять обязательных ежедневных

⁷ Тасбих (араб.) – исламские четки.

молитв фард⁸ молитвами Сунны⁹ и исполнением нафиля¹⁰. Свой молитвенный коврик она раскладывала в гостиной, так что между восходом и закатом пользоваться комнатой в других целях стало почти невозможно. Ариф часто где-то пропадавал или спал днями напролет, но присоединялся к матери, когда его одолевали приступы благочестия, особенно если дома был Баба. Отращивание бороды заботило его больше, чем молитвы.

Ма не понимала, что делает Арифу только хуже. Она полагала, что все давление исходит от Бабы, но и сама давила на сына, не давая Арифу вздохнуть свободно.

«Ты не мог бы что-нибудь сказать Ма?» – попросила Ясмин отца.

«Что тут скажешь? – возразил Баба. – Разве я могу сетовать твоей матери на ее религию?»

«Ты запретил Арифу ходить в мечеть».

«Я был зол. И если он перестанет туда ходить, то только по своей лени, а не потому, что я ему что-то сказал. Ариф курит, пьет. Возможно, делает еще что-то. Я не лезу. По-твоему, у него есть хоть капля веры? Мечеть, топи, борода – все это показуха».

⁸ Фард (*араб.*) – в шариате обязательные действия, которые должен совершать каждый мусульманин.

⁹ Сүнна (*араб.*) – мусульманское священное предание о жизни пророка Мухаммеда, которым руководствуются по желанию в своем поведении мусульмане.

¹⁰ Нафиль (*араб.*) – необязательные обряды для поклонения Аллаху.

Ариф перестал ходить в мечеть. Он сдал курсовую недописанной и показал Ямин, что напечатал над названием: «ПОДВЕРГНУТО ЦЕНЗУРЕ СПЕЦСЛУЖБ», – хотя это было очень далеко от правды. Он попросту сдался, но продолжал винить мистера Фаэрти за каждую свою плохую оценку, в том числе за отметки на итоговых экзаменах. Гораздо предпочтительнее, чем признать, что за стенами этого дома всем плевать на его скверные результаты – никому о них даже не известно.

Постепенно Ямин расслабилась. Арифу не хватало целеустремленности, чтобы стать исламским фундаменталистом. Это просто очередное кратковременное увлечение, которых Ариф сменил немало.

– Ты сам знаешь, что ведешь себя нелепо, – сказала она. – Никто не относится к тебе как к парии. Ты только что поужинал за одним столом со своей семьей. – Она спрашивала себя, настанет ли когда-нибудь день, когда ее брат найдет свою нишу. Он в равной степени вялый и неугомонный. Он искал свое племя, но так и не нашел его.

– Ага. Радостный повод, – буркнул Ариф. – Счастливая семейная трапеза.

Ариф тратит столько энергии, противопоставляя себя другим людям, другим музыкальным вкусам, другим модам, другим взглядам, другим политикам, другим членам своей семьи, что слишком выматывается, чтобы разобраться, кто он такой на самом деле. Он считает ее слабой, а себя силь-

ным, потому что он бунтует, а она нет. Но нужно быть сильной, чтобы усердно трудиться и выполнять свой долг, и из них двоих как раз Ясмин занимается любимым делом. А он даже не знает, чего хочет. Ясмин жалела его.

– Ты хочешь мне что-то рассказать или нет?

– Нет, – ответил Ариф, словно она поинтересовалась, не хочет ли он, чтобы она вырвала ему зуб.

– Ладно, – сказала Ясмин. – Тогда я пошла.

– Хорошо. Иди.

– Ухожу!

– Вот и проваливай.

– А ты заставь меня!

На это он улыбнулся.

– Что говорит Баба о том, что Сиддик проведет никах? Он пытался отвадить от мусульманства собственного сына, зато зятю быть мусульманином можно.

– *Jaa taa!* – отозвалась Ясмин. Без толку спорить с такой чепухой.

– *Bhallage na!* – Ариф снова лег, придавленный своими тяготами, будь то реальными или воображаемыми.

Между собой они всегда говорили по-английски. Ясмин почти не пользовалась бенгальским и постепенно начинала его забывать. Ей было сложно строить фразы. Ариф разговаривал по-бенгальски с матерью, когда они оставались наедине. Иногда Ясмин приходила домой, слышала их и чувствовала себя третьей лишней.

Но сейчас она обратилась к брату по-бенгальски, и он ответил на том же языке. И, хотя они всего лишь обменялись раздраженными восклицаниями, чутье ее не подвело. Это создало между ними близость – не дружбу, не понимание, но какое-то более глубокое чувство, объяснить которое она бы не смогла.

Ясмин взяла со стола грязную бейсболку и бросила в брата, пытаясь закрутить ее, как фрисби. Бейсболка приземлилась ему на грудь.

– Меткий бросок.

– Я целилась тебе в лицо.

– Я в полной жопе.

– Вовсе нет, – решительно возразила она. – Твоя жизнь только начинается. Забудь про всех остальных. Ты сам творец своей судьбы, просто думай о себе.

Ариф перевернулся на бок лицом к ней. Пол-лица утопало в подушке. На Ясмин уставился один вытаращенный от страха глаз.

– Не могу, Апа. Уже не могу. Мне нужно думать о Люси и ребенке. Это двое других людей, и что мне теперь делать?

– *Kyabla*, – сказала Ясмин. Тупица. Она сказала это с нежностью, и Ариф поднял шапочку и спрятал лицо полностью.

Темы, которых нельзя касаться

Ариф взял с нее клятву хранить молчание. Она единственная, кому он рассказал. Люси на пятом месяце, и Ариф уже два месяца знал, что станет папой. Люси купила переноску и выбирает имя для ребенка.

«Она так счастлива», – сказал Ариф, изогнувшись.

«Это хорошо», – ответила Ясмин.

«Я знаю, – с явной тоской сказал Ариф. – Я знаю».

Ясмин лежала в постели, заново перебирая все это в уме.

Ей удалось вызвать брата на откровенность по поводу Люси и ее семьи. Не было никакого смысла подливать масла в огонь, задавая ему практические вопросы вроде того, что же он все-таки намерен делать, как собирается растить ребенка, ведь он сам так и не повзрослел. Оказалось, что Ариф встречается с Люси почти год. «Дольше, чем вы с Джо», – заметил он, словно это имело какое-то значение.

Люси работала секретаршей в приемной ортодонтической клиники в Элтеме и жила с мамой и бабушкой в двухэтажной квартирке в Моттингэме. Бабушку звали Шила, но все называли ее Ла-Ла – таков был ее сценический псевдоним, она была танцовщицей в труппе под названием «Ноги и К^о», выступившей в «Поп-верхушке», когда эта передача была одной из самых популярных на телевидении. Ла-Ла не входила в основной состав, а только время от времени заменя-

ла заболевших, но могла бы выйти замуж за музыкального продюсера или даже за поп-звезду (видимо, ее воздыхатели все время менялись), если бы не влюбилась и не выскочила замуж за местного парня, молочника, хотя ей делали предложения участники таких групп, как *The Specials*, *Mott the Hoople* и *Ultravox*. Поразмыслив над этим, Ариф сел в кровати. Звучит не особо правдоподобно, сказал он, ведь все эти группы играют в разных стилях: синтирок, глэм-рок и ска, – так что, казалось бы, у них у всех должны быть разные вкусы, но всяко бывает, тем более Ла-Ла даже в своем возрасте выглядит потрясно, от нее-то Люси и унаследовала свою внешность.

При этих словах он просиял. Ясмин поддерживала разговор, и оба по молчаливой договоренности избегали тем, которых еще нельзя было касаться, и обходили пути, которые могли привести их к Ма и Бабе, а возможно, и к зияющей бездне.

«А что стало с молочником?»

«Сбежал с какой-то шалавой из Колдхарбора, которая выиграла на футбольном тотализаторе».

«Бедняжка Ла-Ла».

«Да не, через пару лет они друг друга возненавидели. А вот Джанин, маме Люси, тяжело пришлось».

Пора спать. Ясмин уставилась на занавески. Ма сшила их, когда Ясмин было лет десять, – синие с веточками жасмина,

официального цветка Западной Бенгалии. Когда она их повесила, занавески оказались короткими, словно брюки, ставшие слишком маленькими, так что ей пришлось распустить подгибку и в лунные ночи свет проникал сквозь дырочки в ткани на месте распущенных швов.

Тони, отец Люси, работал мойщиком окон на высотках Сити, и, когда ей было всего шесть месяцев, его трос оборвался. Люси не успела его узнать, но все равно носила в сумочке его фотографию. Слушая Арифа, могло показаться, что Тони – идеальный отец, святой покровитель, карманный талисман.

Получив компенсацию от работодателя Тони, Джанин выкупила муниципальную квартирку и выкрасила входную дверь в красный цвет, чтобы она отличалась от темно-коричневых дверей прочих арендаторов. Она красила ее каждые пару лет, но сейчас большинство квартир были выкуплены, и входные двери стали разными. Джанин достали все эти кричащие цвета, и она подумывала вернуться к коричневому.

Роды через четыре месяца.

За два месяца до свадьбы.

Нужно придумать, что теперь делать Арифу. Господь свидетель, сам он не разберется. Может, лучше сначала рассказать все Ма, а та пусть расскажет Бабе? Или сразу рассказать обоим?

Если Ариф устроится хоть на какую-то работу, улучшит

это ситуацию или усугубит? С одной стороны, тем самым он проявит ответственность. С другой стороны, это покажет, что он лишил себя выбора и загнал в ловушку. Допустим, прежде чем огорошить родителей, он поступит еще в какой-нибудь университет – смягчит ли это удар?

Ариф будет откладывать любые решения до последнего. Так и будет отсиживаться у себя в комнате, прячась от реальности, а потом обрушит на головы родителей эту бомбу, которая затмит все остальное.

Усилиями Гарриет, Ма, имама Сиддика и Арифа с младенцем свадьба будет испорчена.

Закрыв глаза, Ямин перевернулась на бок и прижала к груди подушку. Свадьба – это всего лишь день. Один-единственный день в целой жизни. Ничего страшного. Пусть даже свадьба пройдет ужасно. Ямин повезло. Она любит Джо, а он любит ее, и им не из-за чего беспокоиться.

Гарриет

Она провела в своем кабинете бесплодный час. Эта комната не подходит и никогда не подходила для творчества, несмотря на уставленные книгами стены, мягкий солнечный свет, пробивающийся сквозь ветви акации за панорамным окном, и прекрасный письменный стол эпохи Регентства из потускневшего розового дерева, инкрустированный самшитом, атласным и эбеновым деревом. Потрескавшиеся кожаные корешки выстроились напротив Гарриет. «Проблема в гордыне», – решает она. Сидя за таким столом, в такой компании, готовясь писать о жизни и временах Гарриет Сэнгстер.

Розалита снова выбрала для высокой синей вазы розовые гладиолусы, и это не должно иметь значения, но имеет. Было бы так просто сказать ей: «Чтоб больше никаких гладиолусов!» Но Розалита гордится своими цветочными композициями, это стало бы для нее плевком в душу, все равно что сказать, что ее жаркое пересолено, а тарт татены – слишком сладкие. Хоть это и правда, но не важно, не важно.

Нет, здесь писать невозможно.

Тогда где?

В кухню вход воспрещен, потому что Розалита пропаривает – пропаривает! – пол. Что совершенно излишне и, вполне вероятно, вредно для известняковой плитки, но не важ-

но, не важно. В столовой? Настоящий склеп. Только не там. В гостиной? Слишком просторно.

Наконец Гарриет поднимается наверх и устраивается в своей спальне. Блокнот от *Smythson* она забраковала. Его светло-голубые, легкие как пух страницы с золотым обрезом несовместимы с мемуарами в том виде, в котором она хочет их написать, – жесткими, неприглаженными, откровенными. На туалетном столике лежит сменный блок А4.

Первые «мемуары» были скорее рядящейся под них научной работой. Кроме того, они остались по большей части – и, как правило, – намеренно непонятыми. Тем не менее они обладали ценностью. Были интервенцией. Имели вес. Произвели революцию в сферах сексуальной политики, женской сексуальности и гендерной идентичности. Причем задолго до того, как о полиамории и *флюидности* стали писать все кому не лень. Книга была стоящая. Гарриет знала, зачем ее написала.

Сейчас мемуары пишут все подряд. Но для чего? Читать их все равно что подслушивать у исповедальни. Никакого риска. Заранее известно, что грешник прочтет «Аве, Мария» положенное число раз, и ему простятся грехи. И все же.

Вот она, Гарриет, с ручкой *Montblanc* в руке, готова начать.

Чистый лист сводит с ума. Гарриет поднимает голову и снова смотрится в зеркало. Она решила сесть за туалетный столик, потому что, написав неверное слово, поймет это по

выражению своего лица.

Почему сейчас?

Зачем пускаться в воспоминания именно сейчас? Неужели жизнь прожита до конца? Неужели весь путь позади, раз...

Раз он уезжает.

Он ведь и раньше уезжал, не так ли? И возвращался. На сей раз он не вернется, но так и надо, ведь дети должны покинуть своих родителей. Он же не переедет в Тимбукту, а поселится в Хампстедде или Хайгейте. В худшем случае в Кентиш-Тауне. В ближайшее время нужно будет записаться к Лили, подкачать правую щеку. Одному богу известно, что у нее в шприцах, но своих денег оно стоит. Что бы сказал папочка? Папочка, что ты подумаешь, если я напишу о тебе и маме?

Гарри, девочка моя, возьми быка за рога и хорошенько врежь ему по яйцам.

Ох, папочка, как же я по тебе скукаю. Даже сейчас. Как жаль, что ты не дожил до рождения моего мальчика. Моего мальчика. Папочка, ты полюбил бы его так же сильно, как меня.

Гарриет улыбается себе в зеркало. Ее тонкие ноздри раздуваются, изящные каштановые брови изгибаются. Если бы папочка был шахтером, а не выдающимся хирургом. Если бы он был алкоголиком и умер, когда она была маленькой девочкой, а не когда ей перевалило за двадцать. Если бы ма-

ма была какой-нибудь жертвой, поруганной женщиной, а не красавицей и светской львицей. Если бы она была жестока, а не просто холодна. Из этого можно было бы выжать удовлетворительный сюжет.

Аниса Горами – вот это биография! Разумеется, ей не позавидуешь... Ну конечно нет. Это жизнь Гарриет, воспитание Гарриет, карьера Гарриет, дом Гарриет достойны зависти.

Она медленно ведет ручкой по бумаге, перечеркивая всю чистую страницу.

Уровень набожности

– Я никогда не выйду замуж. – Рания энергично помахала официанту обеими руками, словно сигнальщик на взлетно-посадочной полосе.

– Что стряслось на этот раз?

– Долбаный кошмар! – Она сидела, положив ногу, обутую в черный сапог на платформе, на низкий столик для напитков. Ростом Рания была всего пять футов, но занимала удивительно много места для такой дюймовочки. Голос у нее тоже был большой, а бар был невелик. Несколько человек с удивлением обернулись на девушку в джинсах и хиджабе, которая только что так громко и смачно выругалась.

– Ну же, рассказывай! – С подачи Рании они встретились в гостиничном баре в районе Виктория, хотя обычно ели в дешевых ресторанчиках или ужинали в ее квартире.

– Серьезно, – сказала Рания. – Я сдаюсь. Всё. С меня хватит. – Рания познакомилась с несколькими потенциальными женихами на мусульманских сайтах знакомств и через приложения, среди которых были *Minder (Листай. Находи парю. Вступай в брак)* и *Muzmatch*. В последние несколько месяцев она оценивала эти свидания по-разному, в пределах от занудных до *ох...тельно занудных*.

– С каких пор ты так легко сдаешься?

– Аль-хамду ли-Ллях¹¹, – сказала Рания, – мне никогда больше не придется ходить на свидания. Глаза бы мои не видели эти анкеты. Достало получать уведомления о новой «паре» только потому, что какой-то парень отметил галочкой такой же уровень набожности, хотя сам он – сварщик из Хаддерсфилда.

– Бокал вашего обычного белого, пожалуйста, – сказала Ясмин официанту. Тот не особенно спешил к их столику – возможно, из-за воинственных сигналов Рании.

– Мне то же самое, – сказала Рания.

Ясмин рассмеялась: Рания не употребляла алкоголь.

Официант не разделял ее веселья.

– У нас нет безалкогольного вина. – Его щеки и нос пестрели сколотыми рубцами, вероятно оставленными юношеским акне.

– Я хочу алкогольного вина. Что толку в вине без алкоголя?

Официант пожал плечами.

– И принесите оливок, пожалуйста.

Ясмин и Рания подружились в свою третью неделю в средней школе. Однажды в обеденный перерыв Ясмин прижали в углу трое мальчишек постарше. Откуда ты приперлась, проваливай восвояси, от тебя воняет, помойся как следует –

¹¹ Хвала Аллаху (*араб.*) – молитвенное восклицание, междометное выражение для восхваления Аллаха.

всё как обычно. Казалось, они сами не верят в то, что говорят. Похоже, им было скучно, но на улице слишком лило, чтобы выйти погонять в футбол.

Откуда ни возьмись появилась Рания: «Эй, наезжайте на кого-нибудь своих размеров, долбаные идиоты!» Забавно было слышать такое от одиннадцатилетней, низкорослой для своего возраста девочки в хиджабе. От изумления мальчишки даже забыли рассмеяться. Рания врезала самому крупному из них между ног, а другого треснула по спине стулом. Двое мальчиков катались по полу, а третий быстро попятился. «И больше мне не попадайтесь», – сказала Рания. Она кивнула Ясмин, и та вышла за ней из класса в коридор. «Надеюсь, у тебя не будет неприятностей». Рания захихикала. Это удивило Ясмин почти так же сильно, как атака ниндзя. «А что они сделают? Признаются, что их избил мелкая мусульманская девчонка? Да ни за что».

– Между прочим, Омар Хайям много писал про вино, – сказала Рания, нюхая свой бокал. – И Руми тоже.

– Но ты же не пьешь. – Ясмин хотелось забрать у подружки бокал. Официант тоже с с неодобрительным видом скрестил руки на груди, наблюдая за тем, как Рания пьет.

– Ну и что? Я решила, что хочу раз в жизни попробовать. И вообще, уйма мусульман пьет. – Рания наставила палец на Ясмин: – Доказательство первое.

Рания работала адвокатом в маленькой конторе, занимав-

шейся иммиграционными делами, трудовыми спорами и защитой прав человека. «Доказательство первое» было одним из ее любимых выражений, хотя, по ее собственному признанию, ей ни разу не довелось вернуть его по долгу службы.

– Мой отец любит иногда пропустить стаканчик виски, – сказала Ямин. – Так что я никогда не придавала этому большого значения. Но с другой стороны, он не религиозен.

– Мой отец пьет, – сказала Рания. – Думает, я не знаю. Это страшная тайна. Мать притворяется, что ничего не знает. Я притворяюсь, что не знаю, что она притворяется, что ничего не знает. А отец притворяется, что тут и знать нечего.

– Но почему сейчас? Почему именно сегодня?

– А почему нет? – Рания снова отхлебнула из бокала. С каждым глотком она морщилась. – Ладно, если уж тебе так охота знать, я прочитала, что иранское Министерство культуры собирается вымарать из книг все упоминания слова «вино»: по их словам, они хотят остановить культурный натиск Запада. Но они не знают собственной истории. Ты в курсе, что существуют исламские кувшины для вина, созданные в Персии в пятнадцатом веке?

Ямин выжидающе промолчала.

– Жизнь не черно-белая, – добавила Рания. – Вот и всё.

– Понятно. Ну и как тебе вино?

– Слишком рано выносить вердикт, попробую-ка я еще бокальчик красного. Но расскажи же мне про свадебные планы! Как прошло знакомство твоих родителей и его матери?

Ты вроде ужасно боялась.

– Все было нормально, – ответила Ясмин, – пока Гарриет не решила, что свадьбу надо отмечать у нее дома и для полного счастья провести никах.

– Да ладно! Отпад. Не может быть!

Ясмин добавила подробностей. Все возможные сложности Рания с ходу отмела, рассуждая так, словно имам Сиддик будет почти незаметен, а церемония не превратится в цирковое представление для друзей Гарриет. Она бурно одобрила не только проведенный Гарриет разбор несправедливого брачного законодательства, но даже намерение Анисы посетить ее следующий салон, как если бы ничего не могло быть естественнее. Ясмин ковыряла дерматиновую обивку банкетки. Она пыталась донести до Рании свои опасения по поводу того, что Гарриет узурпировала организацию свадьбы, но ее жалобы звучали мелочно.

И все же Ясмин с нетерпением ждала дня, когда больше не придется ночевать у Гарриет. Ее присутствие было настолько ощутимо, что Ясмин казалось, будто они с Джо никогда по-настоящему не остаются наедине. Однажды утром, когда Джо был в смежной душевой комнате, в спальню впорхнула Гарриет. Ей требовалось немедленно поговорить с сыном, потому что она уезжала куда-то читать лекцию, и она просто взяла и вошла к нему. Ясмин была в шоке. А если бы Баба вошел в ванную, когда она стояла голая в душевой кабинке?! Но Джо об этом даже не упомянул. Наверное,

проблема в ханжеском воспитании Ясмин. У Джо нет комплексов по поводу своего тела, потому что Гарриет не внушала ему стыд перед наготой.

Ей вспомнилось его тело. Родинка на внутренней стороне правой руки, веснушки на плечах, шрам от аппендэктомии. Его тело было не настолько накачанным, как у Кашифа, чьи мышцы бугрились благодаря многочасовым подъемам тяжестей в спортзале. Кашиф не вышел ростом, легко набирал вес и пытался компенсировать это, тягая железо, но Джо нечего было компенсировать.

– Алё, ты меня слышишь?

– Ой, прости, – сказала Ясмин. – Что ты говорила?

– Уже не помню, – хихикнула Рания.

Рания успела выпить огромный бокал белого вина и еще столько же – красного. Вдобавок она заказала бокал розе и, похоже, преодолела свое первоначальное отвращение. Она погрузила нос в бокал и принюхалась. Насколько она пьяна? Впервые с момента знакомства Ясмин почувствовала себя в ответе за Ранию. Обычно та умела сама о себе позаботиться.

– Эй! – Рания наклонилась поближе к Ясмин, и из-под ее хиджаба выбилась кудрявая прядь каштановых волос. – У моих родителей паршивый брак. Ты в курсе, да?

– Они спорят. Ты всегда говорила, что у них бывают ссоры.

– Вот видишь, может, как раз поэтому...

Подбородок Рании практически лежал у Ясмин на плече. Вдоль линий ее верхних и нижних ресниц тянулись две аккуратные, тщательно нанесенные черные стрелки, не пересекаясь, устремляющиеся вверх, к вискам. Этот вид макияжа Рания называла «рыбий хвост».

– Поэтому что? – спросила Ясмин.

– Поэтому я и не выйду замуж. Но ты! – Рания отстранилась и икнула. – Твои родители... Видишь! Настоящая любовь. Помню, в школе ты написала про них сочинение. Между прочим, я тебе завидовала.

– Ну, я наверняка писала его в розовых очках, – сказала Ясмин. Дома ей досталось за то сочинение, но Рании она об этом не рассказывала.

– Я знаю, что я сделаю, – объявила Рания. – Я попробую спиртное. Джин. Или виски. Нет! Рюмку водки. Водки нам, пожалуйста! – Она помахала официанту, и тот, скривившись, покачал головой.

– Ты уверена? – спросила Ясмин. Рания и без того была слишком пьяна. – Давай лучше сходим куда-нибудь перекусить.

– Обслужите, пожалуйста, – громогласно потребовала Рания, стуча по столу. – Чего все уставились?

– Потому что ты кричишь! – Ясмин в смятении смотрела, как официант несет им две рюмки водки и крошечную мисочку чипсов.

– Дамы, давайте потише. Люди хотят спокойно выпить.

– Простите, – сказала Ясмин.

Рания залпом опрокинула рюмку.

– Жжется! – Она схватилась за горло и ухмыльнулась. –

Знаешь, сколько виски выпивают в Пакистане? Знаешь, сколько саудовцев прилетают сюда и тусуются в пабах и клубах? И всем хоть бы что. Одна женщина в хиджабе выпивает одну малюшеченькую штопку водки, и все смотрят. – Она захихикала. – Малюшеченькую штопку!.. – Она подняла вторую рюмку.

– Ты по-прежнему кричишь. Если не хочешь, чтобы на тебя оглядывались, веди себя потише.

– А я и говорю тихо, – возразила Рания. – Закажем еще выпить?

– Нет! Лучше поставь рюмку, а то расплескаешь.

– Возьму еще стаканчик, – сказала Рания. Казалось, ее заявление погрузило в тишину весь бар. Она немного неуверенно поднялась на ноги. – Можете все посмотреть, если хотите, – разрешила она, держа рюмку в вытянутой руке.

– Рания. – Ясмин потянула подругу за рукав. – Тебе надо протрезветь.

Официант снимает их на телефон!

– Еще стаканчик! – выкрикнула Рания и, одним махом опрокинув в рот рюмку водки, продолжала скандировать: – Еще стаканчик! Да бросьте, я же никогда-никогда-никогда-никогда... – Она выглядела слегка удивленной этим вне-

запным нарушением речи, утратой контроля над своим языком.

Официант спрятал телефон и, нахмурившись, принес им счет.

– Больше никакой выпивки, – отрезал он. – Платите и уходите.

Брак по любви

Ясмин не помнила, как ей рассказывали эту историю. Например, в ее памяти не отложилось, что, сидя на коленях у матери, она когда-то вбирала ее в себя так же, как историю о Хадидже и Мухаммеде или о Юсуфе и Зулейхе. Она не припоминала, чтобы Шаокат складывал вместе ладони и анализировал ключевые элементы, тщательно упорядочивая и структурируя информацию так же, как когда рассказывал про Листера или Флеминга.

Кажется, она знала ее всегда. С самого рождения. И все же жаждала подробностей.

«Какие первые слова вы друг другу сказали?» – спросила она, когда Аниса с перепачканным в земле лицом выдергивала луковицы в огороде за домом.

«Не помню».

«А вот и помнишь!»

«Всего десять лет от роду, а уже такая нахальная!»

«Ты должна помнить».

«“Здравствуй”. Довольна? Мы поздоровались». – Ма, сидя на корточках, тыкала в землю лопаткой. Обычно ей нравилось болтать за огородничеством, но не в этот раз.

«Кто поздоровался первым?»

«Ты не видишь, как я занята?»

«Что сказали Наана и Наани, когда вы сказали, что хотите

пожениться?»

«Абба и Амма сказали – ладно».

Ясмин опустила на корточки рядом с Анисой:

«*И все?* Больше дедушка и бабушка, твои папа и мама, ничего не сказали? И почему ты называешь их “Абба” и “Амма”, а мы вам с папой говорим “Баба” и “Ма”? Почему? Ма? – Она потянула за коричневеющую верхушку луковицы. – Ма! Ты не слушаешь!»

«Не знаю, – вздохнула Ма. – Вечно тебе нужны причины! Я твоя Ма, ясно? Я не захотела быть Аммой. На, бери. Возьми луковицы и помой».

Бросив луковицы в мойку, Ясмин достала из ящика блокнот и ручку и отправилась в гараж, где Шаокат делал еженедельную зарядку с булавами.

Усевшись на крышку морозильника, она приступила к расспросам:

«Значит, вы с Ма познакомились в библиотеке. Какие первые слова вы друг другу сказали?»

Шаокат вращал руками так быстро, что булавы расплывались.

«Ты знала, что национальная библиотека Индии находится в Калькутте? В ней более двух миллионов книг. Но мы с твоей матерью познакомились в центральной библиотеке штата. Ты доделала уроки?»

«Да. Ты заговорил с ней первым? Что ты сказал?»

«Мини, это было давно. Мне нужно сконцентрироваться»

на упражнениях, иначе они не возымеют желаемого результата. Булавы не только способствуют развитию силы, стабильности корпуса и гибкости, но и действуют на нейронном уровне – тебе знакомо это слово? – укрепляя связь между телом и разумом».

«Но, Баба, что произошло? Ты спросил, как ее зовут?»

«Я с первого взгляда понял, что хочу на ней жениться».

«Ты вечно это говоришь. Но что ты сделал? Что ты сказал?»

«Мини, иди помоги матери. Я закончу зарядку».

Одному из постоянных клиентов, покупавших чай с лотка Шаоката, понадобился мальчик, который бы подметал во внутреннем дворике, носил посылки, мыл машину, подмечал, что еще нужно сделать, и делал это без лишних указаний. Шаокат был в восторге от своего нового жилища в дальнем конце кладовки, с окном, липучкой-мухоловкой и собственной полкой. Его новый работодатель, университетский преподаватель с кафедры физиологии, был добрым человеком и заметил, что мальчик смышлен и сообразителен. Застав Шаоката пытающимся читать один из выброшенных им научных журналов, он записал его в вечернюю школу.

Шесть с половиной лет спустя, когда Шаокат из мальчика-слуги дорос до шофера и закончил среднее образование, преподаватель согласился на работу в Бомбее. Он перебрался туда с семьей, поручив Шаокату собрать вещи в доме и

переслать мебель. Дом был выставлен на продажу, а Шаока-ту разрешили пожить в кладовке, пока новые хозяева не заберут ключи.

Шаокат мечтал стать врачом. Со своими хорошими оценками он сумел бы поступить в медицинский университет, но об этом не могло быть и речи. Необходимо было как можно скорее найти новую работу. Его зарплата была мизерной, и, поскольку преподаватель по своей бесконечной доброте оплатил вечернюю школу, Шаокат ни разу не просил о прибавке. После покупки учебников и других необходимых принадлежностей у него никогда не оставалось ни гроша. К моменту знакомства с Анисой ему, голодранцу, вот-вот предстояло лишиться крыши над головой. Отцу Анисы Хашиму Хуссейну принадлежала компания «Хуссейн индастрис», производившая постельное белье, сетки от комаров, пледы, полотенца и униформу. Отец Шаоката, безземельный рабочий, умер во время эпидемии холеры.

И все же они полюбили друг друга. Хоть это Ясмин знала. Когда ей было четырнадцать лет, по английскому задали на дом сочинение.

«Выполните одно из следующих заданий:

- напишите сочинение под названием “Потеря”;
- напишите сочинение о случайной встрече, изменившей чью-либо жизнь».

Ясмин сразу решила, о чем будет писать. Она по-прежнему не знала всех подробностей (хотя много раз выпрашива-

ла о них множеством более завуалированных и хитроумных способов), но почему-то решила, что ей известно достаточно.

Их история была картинкой под ее закрытыми веками. Чувством в животе. Атмосферным возмущением. Проблеском в темноте.

Она написала сочинение и, когда учитель похвалил ее и сказал, что ей нужно поучаствовать с ним в конкурсе, вспыхнула до корней волос.

«Баба, читаешь мое сочинение? Я получила “отлично”, и учитель сказал, что есть один конкурс. Мне стоит в нем поучаствовать. По крайней мере, так он сказал».

Закончив читать, Баба сложил свои очки и долго хранил молчание. Ладони Ясмин стали горячими и вспотели, а потом похолодели.

«Тебя это развлекает? Тебя забавляет сочинять подобные выдумки?»

«Да, Баба. То есть нет, Баба».

«Ты написала о том, чего не знаешь. О том, чего не можешь знать».

«Баба, это литературное творчество. Мистеру Кёртису очень понравилось. Можешь почитать, что он написал в конце».

«Ты не знаешь, что я сказал твоей матери в калькуттской библиотеке. Тебя там не было. Ты еще не родилась. Ты

не знаешь, что она сказала мне. И однако же, ты написала об этом так, словно сидела за соседним столом. Скажи мне, чем ты отличаешься от лгуны? Чем твое литературное творчество отличается от лжи?»

Когда Ясмин отказалась участвовать в конкурсе, мистер Кёртис расстроился и попросил объяснений, и она сказала, что ее отец против. «Давай я сам с ним поговорю», – предложил мистер Кёртис. «Пожалуйста, не надо», – взмолилась Ясмин, и ему пришлось трижды пообещать ей, что он не станет беседовать с мистером Горами.

Шандор

– Давайте на минуту задержимся на чувстве отвращения, которое вы испытываете после подобных сексуальных контактов. Закройте глаза. – Шандор выдержал паузу. Мальчик выглядел страшно напуганным. – Ладно. Давайте попробуем иначе: какими еще словами вы могли бы описать свои чувства в такие моменты?

– Омерзение. – Глаза Джо оставались открытыми. Он сжал кулаки. – Тошнота, брезгливость, гадливость, аверсия, неприязнь... Ну как у меня получается?

– У вас получается отлично.

Перечисление синонимов – защитный прием, который мальчик, разумеется, применяет неосознанно. Он боится закрыть глаза и ощутить связь со своим телом, и эта отчужденность от тела – очередной признак. Почти все без исключения люди, пережившие подобную травму (если, конечно, Шандора не подводит чутье), чувствуют себя неуютно в своем теле. Зависимость – *на первый взгляд* – является бегством в тело, между тем как в действительности представляет собой забвение, попытку сбежать *из* тела, вмещающего столько запретных чувств.

– Насколько ваша невеста осведомлена о вашем сексуальном анамнезе? Вы делились с ней своей проблемой?

– Она знает, что я много с кем встречался. Что меня доста-

ли случайные связи. Я всегда собирался раскрыть карты, когда придет подходящее время. Мне казалось, это станет перезагрузкой. Я вечно думал: «Когда она узнает меня получше». Понимаете? Типа: «Сюрприз! Представляешь? Здорово я тебя дурачил?» – Он рассмеялся и вытер ладони о бедра. – Я неудачник. Я снова облажался.

– Джо, – сказал Шандор. – Все аддикты, с которыми я работал, считают себя неудачниками. Пока не начинают осознавать первопричину своей зависимости и понимать, что с ее помощью пытались излечить свои чувства.

– Это порочный круг. Мне стыдно, поэтому я это делаю, на секунду мне становится полегче, а потом – еще хуже, поэтому я делаю это снова.

– Весьма лаконичное и точное определение зависимости. Мне бы хотелось поподробнее услышать о том, как зависимость проявляется в вашем случае. Вы не упоминали о порнографии. Как бы вы охарактеризовали свои отношения с порно?

– Я не... Я не поклонник порнухи. Так, видел кое-что. С ребятами из школы... Сами знаете, мальчишки есть мальчишки. Всякое ходит по рукам. – Он пожал плечами. – Но вообще-то я против порно. Порнография унижает женщин.

– На прошлой неделе вы упоминали о фотографии вашей матери. Фотография тоже ходила по рукам?

– Меня это не особо беспокоило. Поверьте, я об этом ду-

мал – типа, не свалить ли всю вину на Гарри? Но, если честно, я ей гордился. Я радовался, что она не такая, как другие мамы. И все ребята хотели с ней познакомиться. Скорее мне было стыдно, когда она принималась обсуждать с моими друзьями Дерриду и Бодрийяра. – Джо закатил глаза. – Вот это и в самом деле было мучительно.

– Ха! Да, понимаю. – Мальчик так очаровательно прямодушен. И совершенно не осознает очевидного. Непросто будет помочь ему получить доступ к своей боли. К своему гневу. – А как у вас с мастурбацией? Испытываете ли проблемы с избыточной мастурбацией?

– Смотря что считать избыточной.

– Мешает ли она вам жить, вызывает ли чувство отвращения или угрызения совести?

– Нет.

– Проститутки?

– Нет! Никогда. Я ни за что бы не подверг женщину такому унижению.

– Значит, случайные связи и секс-вечеринки. Не расскажете об этих вечеринках поподробнее?

– Я перестал посещать их еще до знакомства с Ясмин.

– Это организованные мероприятия?

– Ну, у меня никогда не было секса на парковке. – Он медленно, пристыженно улыбнулся. – Боже, я конченный засранец. И жуткий сноб.

– А как насчет случайных связей? Вы встречались с де-

вушками с сайтов знакомств? Сколько раз в неделю?

– Мой последний загул, до Ясмин... вышел из-под контроля. Каждый день. Иногда дважды за ночь.

– Это оказывало негативное влияние на вашу работу? Приводило к переутомлению?

– Обычно формат был встреча-секс – и по домам. Полчаса. Иногда быстрее. Проблема была скорее в отвлекаемости. По выходным интрижек могло быть от одной до пяти. Листаю, смахиваю влево-вправо, зацикливаюсь... На пару недель я уходил в загул, потом на месяц-другой успокаивался и думал: «Больше никогда».

– Какие чувства вы испытывали к этим женщинам?

– Все они знали расклад. Я никогда не притворялся, прямо давал понять, что к чему, и их это устраивало. Они всегда могли передумать – запросто, я никого не принуждал. Я уточнял. На каждом этапе. Ни к кому не прикасался без согласия. – Джо положил ладони себе на макушку и сдавил череп. – Почему я сейчас чувствую себя каким-то насильником?

Шандор оставил вопрос висеть в воздухе. На него мальчик должен ответить самостоятельно. Разумеется, необходимость отрицать неподобающие или принудительные контакты вызывает беспокойство. Но это подспудное беспокойство происходит из противоречия между циничной природой подобных связей и ценностями, которые пациент стремится исповедовать.

Джо закрыл глаза, поморщился и, похоже, задержал дыхание.

– Выдохните, – сказал Шандор. – Сделайте глоток воды. Дышите.

– Я в порядке. Я в порядке. Но я опять облажался.

– Да. Об этом вы сказали мне еще в начале сеанса.

– Я кое с кем переспал. На этой неделе.

– Да, я так и понял.

– А. Ясно. – Джо отвел взгляд. Почесал глаз. – Ну, так мне надо рассказать об этом? – Он взял стакан воды. Шандор наливал стакан каждому пациенту. Больше тридцати лет практики он начинал каждый сеанс с одного ритуала.

– А вы хотите рассказать?

– Я не *хочу* рассказывать. Но надо ли?

Мальчик стремится угодить. Будучи врачом, он принадлежит к помогающей профессии. Что соответствует профилю. И догадкам Шандора на его счет.

– Данная связь имеет для вас особенное значение?

Джо поставил стакан, не выпив ни глотка.

– Нет, не сама связь... нет, ничего *особенного*. Но я ведь хожу на терапию, собираюсь жениться, мне почти тридцать лет – почему же я не могу держать себя в руках? Зачем я это сделал? Мало того, женщина была с работы. Я всегда так тщательно разделял работу и жизнь, и вот, пожалуйста... – Он осекся. – Что со мной *не так*?

– Понимаю вашу досаду. «Отчаяние» не будет слишком

сильным словом? – Джо покачал головой, и Шандор продолжал: – Возможно, эти чувства усугубляет ваша неуверенность в том, подходите ли вы под определение аддикта. К примеру, когда я работаю с пациентом, зависимым от героина, и на первом сеансе он сообщает мне о том, что употребил героин, что употребляет его регулярно, это не становится потрясением и не приводит в замешательство. Если же вы не осознаете, что ваша зависимость – это зависимость, и пытаетесь рассматривать каждый случай по отдельности, то тем самым только мешаете процессу лечения. Прежде всего нам нужно определить причины. В дальнейшем мы с вами определим триггеры, ситуации, которых следует избегать, и тому подобное. Согласны?

– И да и нет. Героин, как и любое злоупотребление веществами, – это физическая зависимость. Ну и короче... – Джо слабо улыбнулся. – Слушайте, я немного в курсе вашей науки, и я здесь, так что...

– Так что вам, возможно, уже известно, что снимки головного мозга людей, испытывающих оргазм, похожи на снимки, сделанные во время героинового прихода. И что мозг сексоголиков реагирует на сексуальные стимулы так же, как мозг наркоманов – на наркотические. Орбитофронтальная кора активизируется точно так же, как у лиц, страдающих от химической зависимости.

– Когда перестаешь совокупляться со всеми подряд, в белую горячку не впадаешь.

Шандор рассмеялся. Этот паренек ему нравился.

– Ладно, док. Могу посоветовать вам актуальную литературу, посвященную мезолимбическому дофаминовому пути. Как вам, несомненно, уже известно, он связывает вентральную область покрышки среднего мозга с прилежащим ядром, то есть с участками, отвечающими за импульсивность, обучение с положительным подкреплением и чувство вознаграждения. Цикл сенсibilизации и десенсibilизации, повторяющийся у людей, страдающих от зависимости, воздействует на мозговой центр удовольствия, мешая ему вернуться в гомеостатическое равновесие. В случае сексуальной аддикции речь, разумеется, не о физиологических эффектах какой-либо специфической субстанции. Проблема в сбитых настройках подкрепляющей системы. Возможно, именно поэтому на этой неделе вы пошли на необычно большой риск.

Довольно распространенный паттерн. «По крайней мере, я никогда не позволю этому повредить моей работе», – говорит пациент незадолго до того, как его карьеру перечеркивает сексуальный скандал на рабочем месте. «По крайней мере, я никогда не причиняла вред своим близким», – говорит пациентка, а через пару недель просыпается в постели с мужем лучшей подруги.

– Иисусе, – сказал Джо.

– Возможно, это тяжело принять, ведь мы, разумеется, хотим управлять своими желаниями и самими собой.

– Так надо ли ей признаться? Должен ли я сказать Ясмин, что переспал с другой женщиной?

– А что вы сами чувствуете по этому поводу?

– Я чувствую, что...

– Не забывайте: никакого «что».

– Я чувствую... – Он помолчал и виновато улыбнулся. –
Страх. Я напуган.

– Хорошо. Что вы чувствуете при мысли о том, чтобы рассказать ей о своей зависимости?

– Да ну... нет! – воскликнул Джо. – Ни за что.

– Это заставляет вас чувствовать?..

– Панический ужас.

– Понимаю. – Это будет одним из этапов выздоровления, но всему свое время. – Я не вправе заставлять вас признаться Ясмин, что на этой неделе вы переспали с другой женщиной. Это решение можете принять только вы. Скажу лишь, что путь к исцелению лежит через честность. Честность по отношению к себе и своим близким. Это не значит, что вы должны действовать очертя голову. Напротив, имеет смысл сначала понять собственное поведение, а уж потом пытаться объяснить его другим.

– Ясно. То есть не надо ей ничего говорить?

Шандор пригляделся к мальчику. Плечи Джо поникли.

– Вам не приходило в голову, что ваша измена на этой неделе могла быть бессознательной попыткой поставить ваши отношения под угрозу или даже закончить их?

– Нет, я люблю ее, – покачал головой Джо. – Я люблю Ясмин.

– Разумеется. И вы полагаете, что, если вы ей откроетесь, она вас разлюбит. – Шандор несколько секунд помолчал. – Значит, лучше разорвать помолвку из-за единственного проступка. Вы разобьете сердце и ей, и себе, зато сохраните свою тайну. Таким образом, она никогда не узнает, что вы – как вы выразились? – *одурачили* ее, заманив в свои любовные сети.

– Нет! Я ничего такого не планировал.

– Конечно нет. Я этого и не утверждаю, а лишь предлагаю интерпретацию вашего срыва. Иногда наши действия обуславливаются мотивами, которые мы скрываем от самих себя.

– Я ничего ей не скажу. Потому что я вовсе этого не хочу. Не хочу, чтобы мы из-за этого расстались.

– Хорошо, – кивнул Шандор. – Значит, решено. Но мы еще почти не обсуждали ваши отношения. Как насчет посвятить этой теме оставшееся время?

– Ладно, давайте.

– Начнем с секса. Как бы вы описали сексуальные отношения со своей невестой?

Джо пожал плечами:

– Нормальные. Хорошие. Тут и рассказывать особо нечего.

Шандор скрестил ноги и подождал.

– Что именно вы хотите узнать?

– Только то, что вы сами хотите мне рассказать.

– Нормальные. Пару раз в неделю.

– Вы не испытываете к ней повышенного сексуального влечения? А она – к вам?

– Она привлекательна. Никаких проблем с этим у нас нет. До меня у нее был только один парень, так что она... ну, короче, не очень опытная. Мы занимаемся любовью. Это совсем другое. С Ясмин я не из-за секса.

– Ей не нравится секс?

– Я так не говорил.

– Она не стала бы заниматься сексом только ради удовольствия, физического наслаждения, развлечения? С незнакомцем или малознакомым человеком? У нее никогда не было случайных связей?

– Насколько я знаю, нет. Но даже если бы и были, мне без разницы, если вы об этом.

– Ладно. Понимаю. Расскажите о ней побольше. Вы говорили, она тоже врач?

Пока Джо рассказывал о Ясмин, Шандор время от времени делал заметки в блокноте: ее возраст, национальность, то, что Джо «влюбился с первого взгляда», но несколько недель откладывал первый поцелуй. Пока что все шло хорошо. Стремительное и пылкое начало отношений. Внезапное возвышенное, всепоглощающее (и надуманное) чувство со стороны мальчика, которое он тщательно скрывал. Разумеется, это была привязанность к воображаемой идеальной, без-

упречной женщине, олицетворявшей для него освобождение от психической тюрьмы. Стремление к скорейшему развитию отношений подпитывалось не только этой фантазией, но и эмоциональным голодом пациента.

– Я знаю, что смог бы сделать ее счастливой, – сказал Джо. – Она со мной счастлива *уже сейчас*. Если мы каким-то образом с этим справимся... Звучит безумно, но я знаю, что буду хорошим мужем.

– Уверен, что однажды вы им станете.

– Вся эта ерунда, которую мы тут обсуждаем... ну, мое детство и все такое... какой от этого толк? Допустим, мы выясним причину зависимости, а дальше-то что? Я сразу обуздаю ее и исцелюсь? – Он улыбнулся, чтобы сгладить отчаяние в своем вопросе, в своем голосе.

– Боюсь, что все *не настолько* просто.

– Тогда почему так важно доискаться до причины? Почему это какой-то святой Грааль?

– Потому что это увеличит наши шансы на победу, – ответил Шандор. – И даст нам *возможность* взять под контроль свою жизнь. Потому что то, чего мы не знаем, управляет нами.

Гарриет

Она откладывает ручку и перечитывает последние несколько страниц. «Боже милостивый, – думает она, – какое самолюбование!» Вся ее писанина – пустое бумагомарательство. Она с неодобрением смотрит на свое отражение в зеркале над туалетным столиком. Гусиные лапки и жалость к себе. Завтра на торжественном ужине в «Савое» ей вручат награду за вклад в искусство. Она отрабатывает любезную улыбку.

Ее отправляют на покой. Естественно, фраза *enfant terrible* не может звучать вечно. Однако фраза *grande dame* не только скучна, но и просто-напросто угнетающа. Она *старит*.

Утешает лишь, что в этом месяце ее салон оживило присутствие Анисы. Она произвела чудесное впечатление. Все пришли от нее в восторг, салон так давно изживал себя, ему необходима была свежая кровь. Да, Аниса имела оглушительный успех. У нее талант быть собой, и она всех растрогала. Все так и сказали.

Девочке далеко до своей матери, однако Джозеф сделал разумный выбор. Ясмин в меру умна, в меру миловидна. Она будет надежной и верной, семейные ценности зашиты в ее индийскую ДНК. Родня для нее не пустой звук, в ее культуре свекровь не просто повод для вульгарных шуток.

Семейные ценности!

– Боже праведный, – вслух ужасается Гарриет. – Когда ты заделалась такой традиционалисткой? Ретроградка!

Положив блок А4 в ящик стола, она разыскивает в шка- тулке с украшениями серьги, которые планирует надеть зав- тра вечером.

«А что наденет Ясмин?» – задумывается она. Если ее немного пообтесать, девочка будет выглядеть весьма эф- фектно. Ну, может, не эффектно, но более привлекательно. Она не умеет себя подать. Эта унылая пастельная цветовая гамма! Эти бесформенные чопорные платья прямого кроя!

Гарриет входит в гардеробную и проводит ладонью вдоль вешалки с вечерними туалетами. Что надеть? Какое впе- чатление она хочет произвести, когда поднимется на сцену, чтобы получить награду за прижизненные достижения? Вот *это* платье потрясающе смотрелось бы на Ясмин. Этот цвет. Но оно бы не нашлось, а даже если бы нашлось, было бы со- вершенно неуместно его предлагать. Такая свекровь *заслу- живала бы* быть мишенью для насмешек.

Она вытаскивает платья, мысленно репетируя благодар- ственную речь, и тревога покидает ее впервые с тех пор, как Джо сообщил о своей помолвке.

Во время примерки темно-синего шелкового платья-фу- тляра Гарриет неожиданно осознает, что ее страхи слегка эгоистичны. Она чувствует себя щедрой и великодушной и искренне радуется, что Ясмин станет частью ее семьи.

Гусеница

Из-за ссоры они опоздали и пропустили фуршет. Официант проводил их по застеленному плюшевым ковром вестибюлю в банкетный зал гостиницы «Гросвенор». Молодая женщина в черном бандажном платье нашла их имена в списке приглашенных и провела их между пышно убраных столов с вазами в форме райских птиц и салфетками, сложенными в виде корон.

Ссора была дурацкая, на пустом месте. Ясмин попросила Джо застегнуть ей платье, и, когда молния застряла, он пошутил насчет ее пышных форм. Сначала она отказывалась принять его извинения, а под конец и вовсе разрыдалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Меридейл В. Бэггет, Сара И. Тербет, Шмуэль С. Шварценберг и Джеймс Р. Стоун. Пятидесятидевятилетний мужчина с повышенной температурой, помутнением сознания, тромбоцитопенией, сыпью и почечной недостаточностью. – The New England Journal of Medicine, 2014, 370:651–660. DOI: 10.1056/NEJMscrc1310004. Цитата приведена с разрешения журнала The New England Journal of Medicine.